

ГОД ПРИНЦЕССЫ БУКАШКИ

Юлий Буркин

MyWay

ГОД
ПРИНЦЕССЫ
БУКАШКИ

Юлий Буркин

Художник
Людмила Одинцова

Дочке Саше,
Внучке Поле,
Сыну Тиме...

ПОДАРОК

1

Зайцы лежали в коробке. Коробка была открыта и стояла среди пеленок и распашонок на комодe возле окна. Зайцы старательно делали вид, что ничего не видят и не слышат.

- Ну, пойдем, принцесса, покушаем, - сказала мама, выходя с Сашкой на руках в другую комнату, - а потом - гулять.

Только они вышли, зайцы моментально ожили.

- Все-таки не пойму я, с чего это вдруг она ее

Журнал **MyWay**: ... и всем остальным детям!

принцессой называет?! – сварливо пробормотал Сиреневый заяц. – Тоже мне, королева...

- Глупый ты, - отозвался Салатный. – Для любых родителей их дочка – самая что ни на есть настоящая принцесса.

- Ерунда какая! – возмутился Сиреневый. – Люди просто что попало придумывают, а ты их оправдываешь! А им если потакать, они так и будут. Ладно бы только «принцессой», они еще и «Букашкой» ее называют.

- Ну и что? – пожал плечами Салатный. – Тебе жалко, что ли?

- Как это, «ну и что?» - горестно сцепил лапки Сиреневый. – Совершенно с твоей стороны безответственное равнодушие! Зачем добавлять в мир чепухи, ее, что, и без этого мало?! Вот мы с тобой, например, зайцы серьезные, положительные и никакой такой чепухи не придумываем!

- Еще как придумываем, - усмехнулся Салатный и быстро потер друг о друга полосатые уши, как в предвкушении чего-то интересного люди делают ладошками. Он любил спорить, когда точно знал, что победит. – Вот я себя называю «Салатный», а салат не ем. А ты – Сиреневый, как будто в зарослях сирени живешь...

- Ты специально, да? – скривился его собеседник. – Сам ведь прекрасно знаешь, что это совсем другое дело. Мы так называемся не с бухты-баракты, а по причине. Мы с тобой таких цветов!

- И она ПО ПРИЧИНЕ! – насмешливо прищурился Салатный. – Она такого размера.

Сиреневый открыл было рот, собираясь что-то сказать, затем тихонько закрыл его и от смущения приобрел дополнительный розоватый оттенок. Потом, не глядя на Салатного, протянул:

- Эх-х... Какой я иногда бываю неумный. «Сашка маленькая, как Букашка». Они просто сократили: «Сашка-Букашка». Так получается?

- Ну, конечно.

- Да-а... - продолжал сокрушаться Сиреневый. – Да-а... - И вдруг встрепенулся: - Ну а если даже и так, все равно это глупо: «Принцесса Букашка»! – передразнил он, помахивая лапками, словно взбивая из воздуха пену. - Нет, ну, согласишься, нелепо! Разве такое бывает – букашка и вдруг принцесса?!

- Тс-с! – тревожно наострил ушки Салатный. – Сюда идут!

Зайцы притихли.

Пока в комнате были люди, зайцы старательно цепенели. Но когда хлопнула входная дверь...

- Не слишком ли она легко одета? – забеспокоился Сиреневый, садясь в коробке. – На улице сегодня холодина редкостная.

Салатный сел тоже, и они уставились в окно. Там действительно было невесело. Береза стояла полуголой, а на развесистой рябине совсем уже не осталось листьев. Густые красные гроздья выглядели на ней странно и зябко. А еще более странно и зябко выглядел лысоватый ворон, который сидел на ветке и косился в окно на зайцев.

- Зато красиво! – сказал Салатный неуверенно. – Снежок такой... Э-э...

- Холодный, - подсказал Сиреневый.

- Ну да, - вынужден был согласиться Салатный. – Но я вообще-то не про то. Я наоборот хотел сказать: «Новогодний».

Как ни странно, Сиреневый не стал ни возражать, ни передразнивать. Они оба долго молчали, наблюдая, как катится по тёмным лужам

Сашкина коляска и прозрачная пленка чехла-дождевика на ней быстро покрывается корочкой подтаявшего снега...

- Это ведь у нее будет первый в жизни Новый год, - сказал, наконец, Сиреневый. – Самый что ни на есть первый. Представляешь?

Салатный задумчиво покивал, глядя, как, окончательно заоченев, с березы на коляску спрыгивают желто-коричневые листья. Вдруг он встрепенулся и спросил:

- А что мы ей подарим?

- Мы?! – уставился на него Сиреневый.

- Вот в том-то и дело, что мы! – подтвердил Салатный азартно.

- А и правда! – воскликнул Сиреневый. – Лично я... - закатил он глаза. - Я!.. Э-э... – и сник.

Коляска свернула за угол и пропала из вида. Зайцы вздохнули и переглянулись. Действительно, что могут подарить настоящей девочке игрушечные зайцы?.. И вдруг в стекло постучали: «Тук-тук-тук!». Зайцы обернулись. Снаружи, на подоконнике за стеклом, сидел Ворон.

- Ар-рию! Подарите ей ар-рию! – выкрикнул он и знобко передернулся – Бр-р-р! – а затем сипло пропел: – Какой я вор-рон? Я ме-ельник! Ах-ха-ха-ха-ха!

И, хлопая крыльями, странная птица умчалась прочь.

- Точно! – шлепнул себя по лбу Салатный. – Мы же можем для нее что-нибудь сочинить! Ну, если не арию, то хотя бы стихотворение.

- А мы сможем? – усомнился Сиреневый.

- Да чего там мочь?! – вскричал Салатный. – Нашел проблему! Их все, кому не лень, сочиняют!

Сиреневый продолжал смотреть недоверчиво. Тогда Салатный спросил его:

- Ты рифмы хотя бы придумывать можешь?

Сиреневый утвердительно кивнул.

- Ну и вот. Сделаем так: ты придумываешь рифмы, а я – все остальное.

З

- Новый год не придёт, – сообщил Сиреневый.

- Почему это? – испуганно вздрогнул Салатный.

- Ты не понял. Это моя первая рифма: «Новый год – не придёт».

- Ты уверен, что это удачная рифма?

- Уверен.

- Ладно, - Салатный задумчиво насупился, немного помычал: - «Му-му-му, мы-мы-мы... Мы-мы-мы, му-му-му...». Потом встал в позу, поднял вверх лапку и продекламировал:

*- Кто сказал, что Новый год
В эту зиму не придёт?..*

Он победно глянул на Сиреневого, и тот с готовностью выдал следующую пару:

- Отрыжка – кочерыжка.

Глаза Салатного слегка остекленели, но он почти без паузы прочел:

*- ...Не избежать тем отрыжки
От капустной кочерыжки!*

- Ракета – с того света! – радостно взвизгнул Сиреневый.

*- Если даже вдруг ракета
К нам с того примчится света...*

- гаркнул Салатный и показал Сиреневому увесистый кулак.

Тот, скосив глаза в сторону, быстро забормотал: «Телефон - аттракцион, даун - нокдаун, дужка - кадушка...». Зеленый кулак приблизился к самому его носу: «Безмен - не спортсмен, его – торжество...». Кулак раскрылся, ладошка плотно прикрыла Сиреневому рот, и Салатный закончил:

*- Мы отпразднуем его –
Новогодья торжество!*

- Нет! – тут же завопил он, рухнув на спину. – Я не буду дарить принцессе Букашке такое стихотворение! Это ты виноват! Твои рифмы никуда не годятся!

- Да? – насупился Сиреневый. – Ты сначала стихи сочинять научись, а потом мои рифмы ругай... Давай-ка поменяемся.

- Давай! – коварно воскликнул Салатный. – Давай. Я сейчас тебе такую рифмочку придумаю, такую придумаю... «Ёлка - иголка»! – выкрикнул он и даже сам поморщился от разочарования.

Сиреневый сдвинул брови, пошевелил губами, потом расплылся в улыбке и продекламировал:

- Если кто-то сам не ёлка,
Не растёт того иголка!

Салатный слегка опешил, но тут же сказал:
«Поёт – хоровод».

- Тот, кто песни не поёт,
Тот, видать, не хоровод!

- победно сообщил Сиреневый. Салатный дико на него глянул и осторожно сказал: «Зверушки – игрушки».

- Вдруг насупились зверушки
И давай ломать игрушки!

- Дед Мороз – принёс, - совсем уже обалдел Салатный. Зато Сиреневый не унывал:

- С ними вместе Дед Мороз
Все сломал, что сам принес!

- Вот так-то! – воскликнул он. – Вот это поэзия! Такое стихотворение и подарить не стыдно!

- Что?! – взвизгнул Салатный - Поэзия?! ЭТО нашей Букашке я тоже дарить не позволю!

- Я сочинил, хочу – дарю, хочу – не дарю!

- Неправда! – запальчиво возразил Салатный. – Рифмы-то мои! Их я дарить не разрешаю! Дари тогда без них.

Сиреневый задумался, пошевелил губами, видно, пытаюсь представить, что останется от его стихотворения без рифм, сник и сказал:

- Ты – подлый, бесчестный заяц. Ты все это подстроил специально. Позавидовал моему таланту...

- Ну а что теперь поделаешь? - развел лапки Салатный. – Ничего не поделаешь... Давай-ка лучше каждый сочинит своё, без посторонней помощи, и подарит.

- Не умею я без посторонней помощи стихи писать, - признался Сиреневый.

- Это хорошо, - загадочно отозвался Салатный. – Давай тогда не стихи, а сказки напишем.

- Давай! – обрадовался Сиреневый, и они надолго замолчали.

Уже вечером, когда мама искупала Букашку и все в доме уснули, зайцы в коробке вновь тихонько завопились.

- Ну? – шепотом спросил Салатный. – Придумал?

- А ты?
- Я первый спросил.
- У-у, какой вредный... Ну... Придумал.
- Рассказывай.
- А почему опять я?!
- Я первый спросил.
- У-у... Ладно. Слушай. Называется «Сказка про тесто».
- Хе-хе.
- Чего «хе-хе»?
- Уже смешно.
- Ничего смешного. Глупый какой-то смех. Слушай. Жили-были кое-какие люди. И вот решили они однажды испечь кое-какие пирожки...
- С капустой? – перебил Салатный.
- Почему обязательно с капустой? Я сказал кое-какие.
- Но ты ведь не сказал «кое с чем». Пусть будут «кое-какие с капустой».
- Ладно. Пусть будут, – Сиреневый мстительно покосился на собеседника, помолчал, а потом проронил: – Вот и сказке конец.
- Как конец?! – изумился Салатный.
- А вот так.
- И при чем тут тесто?!

- А из чего еще, ты думаешь, люди пироги испекли?
- Так ведь не испекли, а только решили!..
- Будь спокоен. Раз решили, значит, испекли. Да. Но если бы кое-какие зайцы, я бы даже сказал «кое-какие с ушами», не лезли, куда их не просят, сказка была бы длиннее.
- Ладно тебе, – примирительно сказал Салатный. – Я больше не буду. Рассказывай дальше.
- Честное слово не будешь?
- Салатный кивнул.
- Ну, тогда слушай. Испекли, значит, они пироги. А что делать с ними – не знают.
- Одной лапой зажав себе рот, Салатный стал изо всех сил тянуть вторую: мол, я знаю, я! Меня, меня, спросите... Сиреневый сурово молчал, и Салатный, обмякнув, опустил лапу. Сиреневый выждал немного еще, потом спросил:
- Ты что-то хотел сказать?
- Да нет, нет, – помотал головой Салатный. – Ничего, продолжай...
- А тебе нравится моя сказка?
- Ну-у... Честно говоря, событий как-то маловато,
- признался Салатный, но тут же поспешно добавил: – Но ты же еще не закончил.

- Вот именно, - сказал Сиреневый значительно. – Слушай дальше... На чем я остановился?.. Ага... И вот решили они отвезти эти пироги в тридевятое царство и там продать. Снарядили огромный-преогромный корабль и отправились через море-океан. А по дороге на них напали свирепые пираты. Но вдруг налетел сильный ветер, напозли тучи, и начался страшный ураган. Пираты взяли сундук с сокровищами и сели в шлюпку. Но ударила молния и разбила шлюпку в щепки. Пираты утонули, а наши люди надели спасательные круги. Корабль пошел ко дну, а люди остались бултыхаться в бушующих волнах, среди пирожков. – Сиреневый говорил все быстрее и быстрее. - Тут приплыла огромная злая рыба, начала с пирожков, а потом проглотила и людей. В брюхе у рыбы они обнаружили пиратский сундук. Растолкали сокровища по карманам, а сундук подожгли. У рыбы началась изжога, она стала метаться по океану, потеряла бдительность, и ее поймали рыбаки. Они решили сделать рыбный пирог. Раскатали тесто и стали рыбу резать. Глядь, а внутри – люди, да еще с полными карманами сокровищ...

Сиреневый смолк, и пауза длилась довольно долго. Потом, отдышавшись, он добавил:

- То-то было весело. Тут и сказочке конец... Уже точно.

Салатный, не глядя на него, подавленно кивнул.

- Но я передумал эту сказку дарить Букашке, - сказал Сиреневый. - Какая-то она не очень новогодняя.

Салатный обрадованно поднял глаза и снова покивал.

- Теперь ты рассказывай, - сказал ему Сиреневый. - Может, твоя лучше, тогда мы ее вместе подарим.

Б

- Хотя... я тут подумал... - сказал Салатный. - Вообще-то твоя сказка довольно неплохая... - он фальшиво улыбнулся. – И довольно новогодняя...

- Не юли! Свою давай рассказывай!

- Ну, слушай, - вздохнул Салатный. – Значит, э-э-э, жила-была одна черепаха...

- А как называется?

- Звали черепаху... э-э-э...

- СКАЗКА как называется?!

- А-а... Сказка называется «Черепашка».

- А что это такое?

- Ты не знаешь, что такое черепаха?! Ну ты даешь! Ну у нее еще панцирь такой... Как коробочка... В клеточку... Или как домик... Ну, ладно. Раз не знаешь, тогда пусть жила-была одна улитка... Что такое улитка, ты знаешь?

- Знаю, знаю. А теперь как называется твоя сказка?

- «Улитка». Ну вот. Сама она была желтенькая, а домик у нее на спине был голубенький, а рамы на окнах золотистые. И звали ее Полинка. Однажды шла она по улице. Шла, шла... Шла, шла...

- Что-то долго она шла.

- Улитки вообще медленно ходят. Даже медленнее, чем черепахи.

- А ты тогда пропусти, как она шла.

- Ладно. Хоть это и неправильно... Надо, чтобы ты понял, как ей самой это надоело. Вот шла она, шла, и ей уже сильно надоело идти, когда она встретила УЛИТОЧНОГО Деда Мороза. Домик у него был красненький, а сам он был весь беленький...

- С бородой?

- Ну, конечно! Ну еще бы! Вот. И говорит

улиточный Дед Мороз нашей Полинке: «Ну, здравствуй, девочка. С наступающим тебя Новым годом! Загадай желание, и я его исполню. В подарок».

- Он, что, был волшебник?

- Конечно. Все Деда Морозы – волшебники. Подумала, подумала Полинка и говорит: «Хочу быстрые-пребыстрые ноги». Почесал улиточный Дед Мороз за рожками и говорит: «Понимаешь, Полинка, если у тебя будут быстрые ноги, ты уже не будешь улиткой...». «А и не надо! - говорит та. - Я и не просила, чтобы меня улиткой сделали!» «Ого! - говорит Дед Мороз. - А ты, я вижу, улиточка без комплексов. Раз так, может, тебе еще и крылышки пришпандорить?». «А давай! - обрадовалась та. - Голубенькие!». «Но учти, это вместо домика, - предупредил Дед Мороз. - И ли уж домик, или крылья – одно из двух...». «Давай, давай! - говорит Полинка. - Мне уже не терпится!». «Смотри не пожалей», - говорит Дед Мороз. Достал из своего домика волшебную палочку и - р-раз! - превратил Полинку в бабочку. Подпрыгнула она, руки-ноги растопырила, крылышками голубенькими, с золотистыми прожилками взмахнула, засмеялась и улетела в небо. Вот и сказке конец.

- И она не пожалела? – настороженно спросил Сиреневый.

- Ни капельки.

- А не замерзла?

- Замерзла. Но все равно не пожалела.

- Лучше бы летом крылья, а зимой – домик.

По очереди.

- Ха-ха... Всякий бы так хотел. Даже сам Дед Мороз так хотел бы. Но нет. Одно из двух.

- Ага... - кивнул Сиреневый. – А черепаха?

- Что черепаха? Уже ведь не про нее!

- А она бы во что превратилась?

- В птичку, конечно.

- Ага... Вообще-то это, конечно, не мне решать, - осторожно сказал Сиреневый, - но что-то не знаю я даже, стоит ли такую сказку дарить нашей принцессе. Она ведь у нас все-таки еще маленькая...

- Я и сам не уверен, - признался Салатный.

Как раз в этот момент Сашка с мамой проснулись, и зайцы сразу притихли. Сашка была голоднющая, мама включила глобус-ночник и стала ее кормить. Сашка покушала и снова заснула. А мама заснуть уже не смогла и стала прибираться в комнате. Наткнулась на коробку с зайцами и сказала самой себе:

- А эти что тут делают?! Ну и кавардак... Какой день уже лежат... А я ведь их ей на Новый год купила. Почему я их тут-то оставила, сама не пойму...

Она вынула зайцев из коробки и спрятала в комод. Зайцы, само собой, молчали. Но, чтобы друг друга понять, разговаривать им и не нужно было. Ведь мысль-то у них была одна на двоих. Тихая и счастливая:

«Так-то! И никаких стихов-сказок не надо. Мы сами – принцессе Букашке новогодний подарок. Ура :)»

ИСЦЕЛЕНИЕ ОТВАЖНОГО КРОТА

Если Кроту нажать на живот, он хихикает – это всем известно. А что самое вкусное место у него плюшевый нос – это Букашка обнаружила совершенно самостоятельно. И вот лежала она как-то раз на мягком зеленом коврикe и с удовольствием сосала кротовый нос, когда за этим занятием ее застучала мама.

- Эй-эй, - сказала она, – так ты его испортишь!

Сказала и осторожно, чтобы та не обиделась,

взяла у нее Крота. Машинально нажала ему на живот... А он не захихикал.

- Ну вот, - вздохнула мама и нажала еще раз...

- Уже не смеется.

Тут Сашка захныкала, и мама, пробормотав «Ладно, потом посмотрю...», сунула игрушку в комод.

Зайцы сразу оживились. Еще бы. Довольно скучно было бы лежать там одним до самого праздника...

- Привет! – сказал Салатный как мог дружественнее.

- Ой! – вздрогнул от неожиданности Крот. – Кто здесь?!

- Хы-хы-хы, - радостно засмеялись зайцы. – Свои! А еще говорят, кроты в темноте видят!

- Так и есть! – обиделся Крот. – Только никаких «своих» я тут не вижу. А только двух каких-то разноцветных болванов!

- Хо-хо-хо-хо! – еще пуще развеселились зайцы. – Ругается! Ты чего такой сердитый?

- Я не сердитый, я расстроенный. Болею я, - объяснил Крот и вздохнул. – Смеяться не могу. Раньше только и делал, что смеялся, а теперь вообще не могу.

Зайцы смущенно примолкли. Ведь нехорошо

над больным потешаться.

- А от чего ты заболел? – осторожно спросил Сиреневый, который лежал к Кроту поближе.

- А я откуда знаю? – снова вздохнул тот. – Раньше я разговаривать не умел, зато вот сюда нажмешь, – указал он на живот, – сразу смеялся. А теперь, видишь, разговариваю, а не смеюсь. Нажми, – подставил он живот.

- Да ладно, я и так верю, – смутился Сиреневый.

- Нажми, нажми, не бойся!

- Я и не боюсь, – обиделся тот. – Чего мне бояться?

- А чего тогда не жмешь?

- Просто не хочу.

- Давай я нажму?! – вызвался Салатный и потянулся к светленькому кротовьему брюшку через Сиреневого. Но тот остановил его:

- Знаешь что, милый, – сказал он, – тебе, между прочим, вообще никто ничего не предлагал. Это меня попросили нажать, а не тебя.

- Но ты-то ведь не хочешь.

- Да? А может, это я из вежливости отказался? Может, как раз хочу? Может быть, даже очень хочу. Но в отличие от некоторых я – заяц тактичный и ненавязчивый.

- Ну, брат, так тоже нельзя, – насупился Салатный. – Ни себе, понимаешь, ни людям. Сам не жмешь и другим не даешь.

Слушая их препирательство, и без того невеселый Крот нахмурился еще сильнее:

- Хватит уже мой живот делить, – сказал он. – Нашли игру. Я, кстати говоря, еще и не каждому нажимать на него разрешу.

- Понял?! – повернулся к Салатному Сиреневый. – Из-за тебя он теперь и мне нажать не даст!

- Так ты ведь и не хотел.

- С чего ты взял?!

- Ну ты же сам сказал!

- Говорю же тебе: тактичный я! Так-тич-ный! – произнес Сиреневый по слогам. – А-а! Кому я объясняю, ты и слова-то, небось, такого не знаешь! Что с тобой разговаривать! – он отвернулся от Салатного и в сердцах так треснул Кроту кулаком в живот, что тот аж хрюкнул от неожиданности. А потом сказал:

- Вот... – и развел лапы. – Не смеюсь.

- Факт, – покивал головой Сиреневый. – Просто беда какая-то. С этим надо что-то делать.

2

А в это время за окном молодой рыжий кот с плутовским выражением морды обогнул черную лужу и шмыгнул к подъезду. «Ага! Вон там я еще не бывал, – глянул он, прищурившись, на окно. – А ведь там, наверное, замечательно! Есть там, наверное, какая-нибудь красивенькая-прекрасивенькая кошечка или какая-нибудь вкусенькая-превкусенькая рыбка...».

Подумав об этом и отметив опытным взглядом, что форточка в приглянувшемся ему окне приоткрыта, котик мечтательно облизнулся и запрыгнул на скамейку, с нее – на штакетник, с него – на окошко первого этажа, а потом – на козырек подъезда. Все это было ему знакомо, привычно и приятно. Пробираясь таким образом к Букашкиной форточке, он, подергивая в такт полосатым хвостом, вполголоса напевал «Улыбчиво-мурлывчатую песню»:

*Улыбайся,
мур, мур, мур!
Развлекайся,
мур, мур, мур!*

*Жить на свете
интересно
постарайся,
мур, мур, мур!..*

То, что кот был таким жизнерадостным, вполне объяснимо. Он ведь был хозяином этого квартала. Всё тут – и дворы, и дома, и всё, что в них находилось, включая собак и людей, принадлежало ему. Да-да-да, и люди тоже были его собственностью, хотя они об этом и не знали. Но он-то знал! Даже когда был еще совсем маленьким котенком.

*... Удивляйся,
мур, мур, мур!
Увлекайся,
мур, мур, мур!
И почаще
без причины
улыбайся,
мур, мур, мур!..*

- продолжал он напевать. Стоя задними лапами на козырьке подъезда, он изо всех сил, прямо таки по-йоговски, вытянулся и заглянул в комнату. Но как раз в этот момент к окну с Сашкой

на руках подошла мама. Котик тут же втянул голову в плечи и спрятался за край оконного проема. «Умный хозяин – осторожный хозяин», – подумал он при этом.

З

Тем временем в комодке разгоралась дискуссия.
- Надо что-то делать! – повторил Сиреневый.
- Я знаю что, – отозвался Салатный. – Надо нашего Крота вылечить.
- Догадался! – иронично усмехнулся Сиреневый. – Коню понятно, что надо, вопрос: как?
- Какому коню? – живо заинтересовался Крот.
- Не знаю, – признался Сиреневый. – Какому-то коню. Так всегда говорят, когда непонятно.
- Ты не обращай внимания, – поябедничал Кроту Салатный. – Он часто так: скажет, а что сказал – сам не знает...

Сиреневый открыл было рот для достойного ответа, но его опередил Крот:

- Давайте не будем про коня, – попросил он. – Чтобы не путаться. Тем более что его тут нет. Давайте про меня, раз тут Я вместо него. Так как же меня можно вылечить?

- Действительно! – поддакнул Сиреневый.
- Ну-у... Надо тебя очень сильно насмешить, – предложил салатный.

- И чем меня можно так насмешить? – спросил Крот озабоченно.

- Анекдотами, – отозвался Салатный. – Конечно, анекдотами! Вот, например. Идёт по лесу лиса, смотрит: навстречу Колобок катится. Она говорит: «Колобок, Колобок, я тебя съем». А он говорит: «Я не Колобок, я Ёжик. Просто, я побрился только что...». Вот какой смешной анекдот, правда?

- Ага, – выдавил из себя вежливую улыбку Крот.

- Даже слишком, – глумливо заметил Сиреневый.

- Теперь давай ты! – потребовал Салатный, пихнув его локтем в бок.

- Сейчас, – сказал Сиреневый. – Сейчас-сейчас-сейчас... Так-так-так... Вот! Идёт снова по лесу лиса, а навстречу ей снова Ёжик. «Ёжик, Ёжик, – говорит лиса, я тебя есть не буду, ты колючий». А он говорит: «Я не Ёжик, я Колобок. Только не брился давно...».

- Да-а... – протянул Салатный. – Да-а... – Потом подумал и сказал: – Не-ет...

- Что «нет»? – поинтересовался Крот.
- Не вылечим мы тебя анекдотами.

4

Юный кот уже стоял на жестяном подоконнике, когда прямо над его ухом раздалось гортанное:

- Вор-ры! Вор-ры! – и угрожающе захлопали крылья.

Кошачья задняя лапка от испуга дернулась и, противно проскрежетав когтями по металлу, сорвалась вниз. А вместе с ней и вторая. Крепко вцепившись в деревянную оконную раму передними лапами, котик рискованно повис над клумбой. Осторожно обернувшись, он увидел сидящего на ветке рябины плешивого ворона и закатил свои зеленые глаза.

- Какие воры, странная вы птаха? – сказал он как мог миролюбивее. – Это просто смешно. Где вы их видите? Ну? Если вы имеете в виду меня, то как, скажите мне на милость, я могу что-то украсть в своем собственном доме?

- Элементар-рно! – выкрикнул Ворон, нахохлившись.

Кот осторожно согнул левую заднюю лапу и поставил ее на краешек. За ней – правую... Наконец, усевшись, он уже всем телом обернулся к птице и сказал:

- Ошибаетесь, милейший. Это не так просто, как вы думаете. Да, собственно, никто ничего такого и не собирался...

И как бы обиженно отвернулся к стеклу. Тут же позади него раздался угрожающий клеткот.

- Да что ж это такое?! – возмутился кот. – Я же только посмотреть... – и плавно потянул переднюю лапку вверх, к форточке.

- Кар-р!!! – выкрикнул бдительный Ворон.

- Своими беспочвенными подозрениями вы меня, право, обижаете... – сказал кот, опустив лапку на место, и прислушался.

Ворон молчал. Рыжий прикинул в уме свои силы, оценил расстояние и возможности птицы...

- Да ну тебя, – бросил он и одним грациозным движением перемахнул через рамы прямиком в комнату.

- Комшар-р! Кошмар-р! – забился в истерике Ворон, подлетев вплотную к оконному стеклу. – Нахальный кошар-ра! Обманул и одур-рачил, набр-рехал и околпачил!..

Но котешка, не слушая его, уже обегал танцующей походкой Букашкину комнату, обнюхивая углы и вновь подбадривая себя песенкой:

*... Не теряйся,
мур, мур, мур!
Не стесняйся,
мур, мур, мур!
В том, что ты
главнее всех,
не сомневайся,
мур, мур, мур!..*

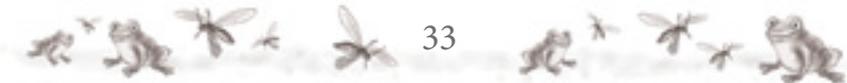
Упав на мягкий коврик, от которого приятно пахло человеческим котенком, он перекатился сбоку на бок и от удовольствия зажмурился...

Б

- Тихо! – поднял лапу Крот. – Что это?

Теперь уже и зайцы услышали необычные звуки: чьи-то истошные вопли за окном и чью-то хитренькую песенку в комнате. Все трое поспешно вскочили и прижались мордочками к щелке.

- Ой! – воскликнул Салатный, увидев кувыркающегося на зеленом Букашкином коврике

большого рыжего зверя.

- Это конь?! – возбужденно спросил догадливый Крот.

- Да, конечно, - со знанием дела прошептал Сиреневый и приложил лапку к губам. – Но тс-с! Вспугнете!

- А зачем он нам? – перейдя на шепот, спросил Салатный.

- Пока не решил, - еле слышно отозвался Сиреневый. – Но, если вспугнем, решать будет поздно.

... Улыбайся,

мур, мур, мур!

Забавляйся,

мур, мур, мур!

Никогда и

никому не

попадайся,

мур, мур, мур!

- пропел рыжий зверь, а потом вскочил на ноги и стал с блаженным выражением морды мять коврик передними лапами, поочередно выпуская в него когти. Такое бесцеремонное поведение зверя возмутило Крота несказанно. Ведь еще совсем недавно он сам валялся на этом коврике со своей

любимой принцессой, был счастлив и даже иногда хихикал от удовольствия. А теперь... Мало того, что смеяться разучился, тут еще этот наглый пришелец!

- Эй ты, конь! – закричал Крот в щелку. – Ну-ка перестань портить Букашкин коврик! Ну-ка прекрати немедленно!

Зайцы удивленно уставились на отважного Крота, а тот продолжал:

- Уходи отсюда, конь! Это не твой дом, не твой коврик и не твоя Букашка!

Котик прислушался... Потом, бормоча: «Это кто еще там пищит? Сейчас он у меня допищится...» и упруго покачиваясь, двинулся к комоду.

- Ой-ой-ой, - сказал Сиреневый.

- Да, ой-ой-ой, - согласился Салатный.

Но отважный Крот, казалось, не слышал их.

- Конь! – продолжал он кричать страшным голосом. - Ты меня слышишь, конь?! Уходи из нашего дома!

Котик встал на задние лапы, передними зацепился за щель в комоду и, вплотную приблизив к ней морду, заглянул.

- Ты чего это обзываешься, плюшевый? Я тебя трогал? – спросил он Крота, оскалился и угрожающе зашипел: - Пш-ш-ш-ш!!!

Зайцы отпрянули вглубь, но Крот не шелохнулся. От ужаса глаза его стали совсем круглыми и совсем стеклянными, но он продолжал кричать:

- Мы тебя не боимся, конь! Убирайся отсюда вон!

- Мя-а-яу! – протяжно взвыл рыжий хулиган.
- Пш-ш-ш-ш!!! – И попытался просунуть в щель когтистую лапу. А потом снова: - Мя-а-яу! Пш-ш-ш-ш!!! – И вдруг наострил ушки, замолчал и уставился на дверь.

Тут она распахнулась, и в комнате опять появились мама с Сашкой.

- Это еще что такое?! – воскликнула мама и шагнула к коту. – Ну-ка брысь отсюда!

- Одну минуточку, мамаша, - сказал тот, поспешно отскочив к стене, и глаза его воровато забегали. – Сейчас мы во всем разберемся. Это же явное недоразумение... Я просто проходил мимо...

Не договорив, котик двумя длинными прыжками – сначала на комод, а потом напрямиком в форточку – покинул квартиру.

- Уф-ф! – сказал Крот и с облегчением откинулся на сложенное в стопочки белье. Только сейчас он понял, как перепугался, и почувствовал, что его бьет нервная дрожь.

- Вот наглец! – сказала мама Сашке про кота. – Но симпатичный, правда? Рыженький такой... И что он там, в комод, интересного нашел?

Она вытянула ящик. Ничего особенного. Зайцы... Крот... Свободной от дочки рукой она взяла Крота, машинально нажала ему на живот... И тут все нервное напряжение последних минут выплеснулось у того в неудержимый хохот.

- Ах-ха-ха-ха! Ох-хо-хо-хо-хо! – просто-таки давился он от смеха – Их-хи-хи-хи-хи!!! – И ничего не мог с собой поделать.

- Смотри-ка ты, сам наладился, - сказала мама. – Батарейка, что ли, подзарядилась...

Сашка потянула ручки к любимому плюшевому носу, но мама строго сказала:

- Э, нет, мы договорились, что с ним ты пока не играешь.

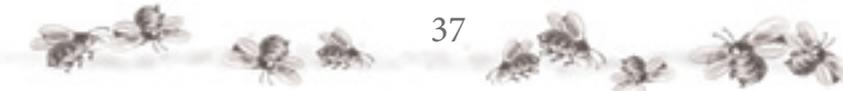
Сказав это, она дождалась, когда Крот замолчит, положила его обратно и задвинула ящик.

...Как только дверь в комнату закрылась, Сиреневый придвинулся к Кроту.

- А ты молодец, – сказал он. – Такой смелый. Вот не ожидал.

Крот молчал.

- Я на самом деле тоже несильно испугался, просто растерялся немножко, - заметил Сиреневый.

Крот промолчал снова.

- Да ладно, сильно-то не задавайся. Тоже мне, герой нашелся, - насупился Сиреневый.

Крот промолчал и на этот раз, бессмысленно пялясь в темноту.

- Эй-эй, братец, ты вообще-то в порядке? – забеспокоился Сиреневый.

Тут ему на плечо легла лапка Салатного.

- Бесполезно, - сказал тот. – Помнишь, он говорил, что, когда умел смеяться, не умел разговаривать? Теперь он снова смеется, а нас больше не понимает.

- Вот оно что... - расстроился Сиреневый. – Обидно-то как. Лежим тут, лежим... Я так соскучился по Букашке... Хоть с Кротом поговорить...

- Ему-то так лучше, он ведь, получается, выздоровел, – напомнил Салатный.

Они грустно помолчали. Потом Салатный сказал:

- Ничего. Когда нас подарят, мы с Букашкой вообще расставаться не будем. А Крот когда-нибудь сломается и снова будет с нами.

- Точно, – обрадовался Сиреневый. – Точно! Так все и будет! И нечего зря грустить, правда?!

- Спрашиваешь! – улыбнулся Салатный.

... Тем временем рыжий котик, пробираясь по

козырьку соседнего подъезда, словно услышав их, прищурился и замурлыкал:

Изумляйся,

мур, мур, мур!

Ухмыляйся,

мур, мур, мур!

А печали

и тоске не

поддавайся,

мур, мур, мур!

Ему ли было унывать, когда вокруг было столько всего интересного!

КОРОЛИ, ЖУКИ, ГРЫЗЛЯВКИ

В дверь осторожно постучали. Не позвонили, а именно постучали. Значит, знали, что Букашка спит. Зайцы услышали, как мама вполголоса сказала:

- Привет. Заходи. Хорошо, что ты вовремя. Я только-только успеваю. Она должна спать еще час, я как раз вернусь.

- А если она проснется раньше? – прозвучал слегка напуганный мужской голос.

Зайцы в комод завозились.

- Это еще кто? – удивился Сиреневый.
- Какой-то дядя, – отозвался Салатный.
- Слышу, что не тетя, – съязвил Сиреневый.
- Может, папа? – предположил Салатный.

Диалог в соседней комнате продолжался:

- Ну и проснется, – сказала мама, – ничего страшного. Не съест же она тебя.

- А если она плакать будет?! – мужской голос прозвучал еще тревожнее.

- Песенку ей спой... – Было слышно, как мама, собираясь, мечется по квартире, а по голосу было ясно, что она очень спешит. – Расскажи, кто как кричит. Ну, там... киска мяукает, собачка лает... Я знаю, ты справишься. Если что, – она перешла на шепот, войдя в спальню, – памперсы – вот.

- Если что? – спросил мужчина.

- А ты догадайся. Ну, всё! Пока.

Скрипнули половицы, голоса стали почти не слышны – это закрылась дверь в комнату, а вскоре мягко хлопнула и входная. Мама ушла.

- Нет, это все-таки какой-то чужой дядя, – сказал подозрительно Салатный. – Если это папа, почему мы его никогда раньше не слышали?

- Ну, может, он уезжал куда-то. Так бы Букашку чужому дяде и оставили!

- Еще съест его, - припомнил Салатный мамины слова. Зайцы переглянулись и прыгнули, зажав лапками рты.

В квартире тем временем стояла абсолютная тишина, слышно было лишь, как тикают часы.

- Он там что, не шевелится? - спросил Салатный. - Этот... Как же его называть-то?

- Боится, - съехидничал Сиреневый. - Замер и стоит посреди комнаты. Как памятник. Или вообще умер.

- Придумал, - продолжал развивать свою тему Салатный. - Давай пока звать его «дядя Папа».

- Угу, - согласился Сиреневый. - Сойдет.

Они снова примолкли и прислушались. Тут тихонько засопела во сне Сашка.

- Вот интересно, что ей снится? - спросил Салатный.

- Что ей может сниться, она же еще ничего не видела. Ей ведь еще только шесть месяцев. Не лет, а месяцев.

- Везет же, - сказал Салатный. - У нее сейчас каждый месяц день рождения. А год исполнится - только раз в год будет.

- Да, - со знанием дела кивнул Сиреневый, - до года - раз в месяц, после года - раз в год, а после века - раз в сто лет.

- Редко... - покачал головой Салатный. - А ты точно знаешь, что ей ничего не снится?

- Нет, ну, что-то, конечно, снится. Мама, например, молочко... Цвета разные, наверное, голоса...

- А я вот думаю: может быть, сны все-таки не из того, что видел, получаются, а приходят к нам откуда-то сами по себе? А мы их смотрим.

- Как кино, что ли?

- Ну да. Может, она и не понимает чего-то, но видит.

- Не знаю, - засомневался Сиреневый.

- А я даже уверен! - заявил Салатный. - Я сам иногда во сне такое вижу, о чем раньше даже и не знал. Так что, думаю, она видит сейчас что-нибудь интересное-преинтересное, красивое-прекрасивое!

- Например? - спросил Сиреневый с вызовом.

- Ну, например, э-э-э... - Салатный замялся. - Ладно! Я-то сейчас придумаю. Только потом ты тоже придумаешь. Идет?

- Давай, – азартно махнул лапкой Сиреневый. – Рассказывай!

2

«Например, снится ей, будто она – уже большая красивая девушка, настоящая принцесса. И что у нее есть друг, но почему-то они с ним все время ссорятся и не понимают друг друга. Иногда ей кажется, что он хороший, но чаще – что он грубый, глупый и неопрятный.

И вот однажды, рассердившись на него в очередной раз, когда он забыл ее с чем-то там поздравить и подарить цветы, пошла она злая-презлая куда глаза глядят и попала в сказочную страну. А в этой стране правили три короля – король Мельник, король Портной и король Шарманчик. И у каждого было по сыну.

И по закону этой страны она должна была научиться каждому из трех королевских ремесел: чье освоит лучше всего, за того принца и выйдет замуж. Вообще-то она никуда не торопилась, но закон есть закон. Что же касается принцев, то все они были приятные и вежливые молодые люди, но ни один из них ей особенно не нравился. На

самом деле она скучала по своему другу, но не признавалась в этом даже себе.

Вот стала она в желтом, как подсолнух, замке-мельнице учиться делать муку, а из нее выпекать пирожки и пирожные. Получалось у нее неплохо, и однажды король Мельник сказал ей:

- Ваше Высочество, я так хочу, чтобы вы стали невестой моего сына, что открою вам свой самый-самый заветный секрет. И даже если вы ею не станете, я все равно никогда об этом не пожалею, так вы мне нравитесь. А научу я вас, как делать муку не из пшеницы, не из ржи и не из ячменя или кукурузы, а из легчайшего весеннего ветерка. Это для самой-самой тончайшей и нежной сдобы. Такое блюдо не утоляет голод, но тот, кто попробует его хотя бы раз, сразу становится добрым человеком.

- Рада буду поучиться такому искусству, Ваше Величество, - ответила Принцесса Букашка. – А вы точно не пожалеете, если что?

- Да точно, – заверил он, махнув рукой. И вскоре Принцесса действительно научилась готовить это удивительное кушанье.

Следующим был король Портной. В его

изумрудно-зеленом замке-камзоле Букашка училась кроить и шить. Сначала – из обыкновенного полотна, потом – из легчайших шелков, а под конец король сказал ей:

- О, моя прекрасная ученица. Никому раньше не открывал я свой главный секрет, а вам хочу открыть.

- Может, не надо? – смутилась Букашка.

- Ну, хочется! – взмолился король.

- Тогда валяйте, – говорит Принцесса. – Но учтите, я вам ничего не обещала. Насчет принца, например...

И он научил ее ткать кружева из облаков и надежды. Эти платья совсем-совсем не грели, но тот, кто надевал их хотя бы раз, становился писанным красавцем, стройным и сильным.

Последний учитель в своем сапфировом замке-шарманке признался ей:

- Принцесса, у меня есть тайна...

- Да я уж поняла, – сказала Букашка. – Выкладывайте.

И он научил ее одной флейтовой мелодии, послушав которую, всякий становился очень умным и тонко чувствующим человеком.

А затем в честь окончания обучения три

короля устроили на Площади Трех Дворцов бал под открытым небом. Под фонтанами фейерверков Букашка танцевала поочередно с каждым из принцев, а когда настала решительная минута, короли объявили, что ввиду ее удивительного таланта во всех-всех областях, они не могут решить, за кого все-таки она должна идти замуж. Поэтому пусть выбирает сама.

- А можно просто домой? – спросила Букашка.

- Ну а что поделаешь? – развели те руками. – Жалко, конечно. Но дело ваше.

Попрощалась она сердечно с королями и принцами и вернулась домой. И сразу нашла своего друга.

- Ага, - говорит тот, - явилась! И где ты все это время шлялась?!

- Знаешь что, милый, - перебила она его. – Помолчи-ка немного, пока я еще не разозлилась. И ну-ка съешь вот это, надень вот это и послушай вот это.

И она достала из сумочки булку, платье и флейту. Съел ее друг сдобу, облачился в одежды, прослушал мелодию и стал самым умным, самым добрым и самым красивым на свете юношей.

- Так-то! – сказала Принцесса Букашка. И жили они после этого долго и счастливо».

З

- Вот такой сон, – закончил Салатный.

- Ну ты даешь... – подавленно прошептал Сиреневый.

- Я-то тут при чем? – потупившись, пожал плечами Салатный. – Не мой же сон, а Букашкин.

- Приснится же такое! – не унимался Сиреневый. – И что она из этого сна поняла?

- Ничего, – признался Салатный. – Видеть - видела, а понять ничего не поняла.

- А-а, – немного воспрял Сиреневый. – Ну, моему тогда больше повезло.

- Почему это? – нахмурился Салатный.

- А вот послушай.

«Букашке приснилось, что она – самая настоящая букашка. Не принцесса, а просто такой маленький жучок-светлячок. Живет она беззаботно, днем, правда, работает – летает по лесным полянкам с цветка на цветок, нектар добывает, пыльцу туда-сюда таскает, но ей это

только в радость. А по вечерам с другими жуками-светлячками она кружит над душистыми полянками разноцветные хороводы. «Дискотека» называется. И так ей все это нравится, что просто ничего другого она не хочет.

Но был у нее один друг, тоже жук, конечно, только они с ним все время были не в ладах. И вот однажды Букашка рассердилась на него сильнее обычного и улетела далеко-далеко в тридевятое царство, где правили три жука: жук-мельник, жук-портной и жук-шарманщик, и у них были три сына – тоже жуки, конечно... Ну и дальше все, как у тебя, только вместо королей и принцев – одни сплошные жуки.

Ну и когда она вернулась, она заставила своего друга-жука съесть булочку, надеть платье, сыграла ему на дудочке, и он сразу стал самым красивым, самым умным и самым добрым жуком в мире. И потом они жили долго и счастливо, а по ночам светились: она – розовым светом, а он – синеньким».

- Вот.

- И почему это ты решил, что твоему сну повезло больше, чем моему? – обиделся Салатный.

- Потому что он проще.

- С чего это? Да он точно такой же!

- Ага... Одно дело короли, другое – жуки. Жуки всяко попроще.

- А вот и ничего подобного! – не на шутку рассердился Салатный. – Еще неизвестно, кто сложнее – жуки или короли. У тебя жуки, например, светятся, а короли – нет. Жуки летать умеют, а короли не умеют. А Букашка вообще ни королей, ни жуков в жизни не видела: откуда ей знать, кто из них сложнее, кто проще?

- Ну, не знаю... - признал свое бессилие Сиреневый.

- И вообще твой сон какой-то несамостоятельный... – добавил Салатный уже по инерции.

- А вот этого не надо! – сварливо выкрикнул Сиреневый. – Я так и знал, что ты придираешься будешь! Я-то тут при чем?! Мало ли что присниться может! И тем более не мне.

Тут Букашка проснулась и запищала. И оказалось, что дядя Папа вовсе не умер. С шумом и грохотом ворвался он в детскую, схватил девочку на руки и запрыгал с ней по комнате, приговаривая:

- Ай-ай-ай, ай-ай-ай, кого хочешь, выбирай!
- О чем это он? – удивился Сиреневый. – Как будто наши сказки подслушал.

Салатный только пожал плечами.

Букашка примолкла было, но спустя минуту захныкала снова.

- Песенки! Песенки! – в смятении вскричал дядя Папа. – Надо, надо песенки! Как там...

*Хорошо живет на свете Винни-Пух!
Оттого поет он эти песни вслух!*

Букашка молчала ровно столько, сколько он пел, а как только он смолк, снова подала голос.

- Кто там еще был?! – в панике забормотал дядя Папа. – Кто еще?! А! Вот!

*Хорошо живет на свете Пя-та-чок!
Оттого загнулся хвост его в крю-чок!!!*

- Станный он какой-то, – сказал Сиреневый.

- Точно, – подтвердил Салатный.

- Кто там еще был?! Кто?! – снова забормотал дядя Папа, совершая прыжки по комнате.
– Так, так, так... И запел опять:

*Хорошо живет на свете Са-у-рон!
Оттого и ищет эти кольца он!!!*

- О ком это он? – удивился Салатный.

- Я откуда знаю...

Похоже, Сашка-Букашка немного успокоилась, потому что дядя Папа перестал скакать и заискивающе заговорил.

- А как кричат киски? Как? «Мяу, мяу! Мя-ау, мя-ау!»

Мяукал он так выразительно, что зайцы даже зауважали его.

- ...Вот как кричат киски!

Похоже, принцесса тоже оценила его труды, потому что он сказал с умилением:

- Ой, как мы улыбаемся! Слово солнышко выглянуло!.. А как кричат собачки? Как собачки кричат?..

- А собачки разве кричат? – засомневался Салатный.

Сиреневый захихикал. Но дядя Папа их сомнения тут же развеял.

- «Гав-гав! Гав-гав!» – вот как они кричат!

- Всегда думал, что это называется «лаять», – желчно прокомментировал Сиреневый.

Букашке собачьи крики не понравились тоже, но только она вякнула об этом, как дядя Папа истошно заорал:

- «Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!» Это так петушок кричит, – пояснил он. – А кукушки кричат: «Ку-ку, ку-ку» Да? «Ку-ку, ку-ку»... А как у нас эти кричат? Ну, ЭТИ!.. Господи, кто у нас еще есть?! А! Рыбки! Как рыбки кричат?

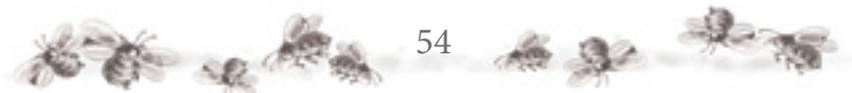
Зайцы многозначительно переглянулись. И тут же услышали:

- «Буль-буль-буль! Буль-буль-буль!»
- Утонули, – констатировал Салатный.
- Вот как рыбки у нас кричат...
- Выкрутился, – заметил Сиреневый.
- Молодец, – подтвердил Салатный.

А Букашка вдруг пропела что-то тоненькое-тоненькое, но явно довольное.

5

- А еще есть коровки, – сообщил дядя Папа. – Они кричат: «Му-у, му-у». Еще есть божьи коровки, но они вообще не кричат... Они жужжат: «Ж-ж-ж, ж-ж-ж...». И мушки тоже жужжат, и комары, и еще всякая гадость. Они

все вместе жужжат: «Ж-ж-ж!». А хрюшки хрюкают: «Хрю, хрю, хрю!».

- А свинки свинкают, – скептически заметил Сиреневый. – «Свин, свин, свин»...

Принцесса Букашка снова что-то беззаботно пролепетала, и дядя Папа с воодушевлением продолжил:

- А еще есть жирафы, но они молчат. Зато у них такие шеи... Еще есть верблюды... Они тоже молчат, но плюются... Лисички – рыжие... Ёжики – колючие...

Букашке эти бестолковые рассказы надоели, и она недовольно гукнула.

- Лягушки! – воскликнул дядя Папа с таким выражением, словно призывал их себе на помощь. – Лягушки! «Ква-а-а! Ква-а-а! Ква-а-а!» - во-о-о-т как квакают лягушки! – От возбуждения он и слово «вот» не просто произнес, а проквакал. – Еще кенгуру... Нет, кенгуру молчат... Утконосы и ехидны... Да что же они там все молчат-то в Австралии?! Глявки! – вдруг вскричал он озабоченно. – «Гляв, гляв, гляв! Гляв, гляв, гляв!» - вот как кричат глявки. А еще грызлявки! «Грыз, грыз, грыз!» – вот как они кричат!

Букашка молчала, но сквозила в ее молчании какая-то настороженность.

- Зачем он обманывает ребенка? – возмутился Сиреневый. – Нет на свете никаких глявок, нет никаких грызлявок!

- А я больше не знаю зверей! – словно услышав его, отозвался дядя Папа. – Кончились у меня звери. А значит, что? Значит, снова петь!

И он затянул:

*Мы едем, едем, едем
В далекие края!
Хорошие соседи...*

Он на миг запнулся и закончил:

И с нами есть свинья!

Зайцы от такого факта просто онемели. Но Букашке, похоже, песенка понравилась, потому что дядя Папа завел снова и более уверенно:

*- Мы едем, едем, едем
В далекие края!
Хорошие соседи...
НО с нами есть свинья!*

Если в прошлый раз свинья его как бы даже обрадовала, так как заменила собой какую-то забытую строчку, то в этот раз, после «НО», она явно его обескураживала. В голосе дяди Папы прорезались трагические нотки, и он торжественно, словно оперную арию, закончил:

- Свинья!

Свинья!

Огромная свинья!

- А, кстати, я тебе уже говорил, как она кричит? – забормотал он без паузы. – Да, кажется, говорил. Но, если хочешь, я могу повторить... Сейчас, сейчас... Как она кричит-то, эта чертова свинья?..

- О, нет! – закатил глаза Сиреневый. – Он уже совсем офонарел... Скорее бы мама пришла, что ли!

И, на радость всем, его желание тут же исполнилось. В дверь позвонили.

- Как вы тут? – раздался веселый мамин голос. – Справляетесь? Ой, ты моя маленькая! Иди, иди к маме. И чем мы тут занимались?

- Выясняли, как кричит свинья, – честно

признался дядя Папа. – Это под конец.

- Она не кричит, а хрюкает, – обнаружила в этом вопросе познания мама.

- А грызлявки? – коварно спросил дядя Папа.

Но что ответила мама, они уже не узнали, так как дверь между комнатами снова прикрыли, и разговор стал почти не слышен.

- А зайцы, между прочим, молчат, – сказал Сиреневый. – Настоящие зайцы.

Они помолчали. Как настоящие зайцы.

- Правда, классно, что мы – игрушечные? – прервал молчание Салатный. – Хоть поговорить можем. А то бы скакали сейчас по полю. И еще линяли бы на зиму.

- Да уж, – согласился Сиреневый. – Не позавидуешь кое-кому.

Они оба представили себе мерзлое поле под темным осенним небом и искорки снежинок в свете звезд. Поле было такое огромное, что закружилось вместе с Землей. И по этому полю, линяя, брели молчаливые зайцы...

- А может, как раз позавидуешь?! – с вызовом сказал Салатный. – Им-то нравится, что они живые.

Сиреневый пожал плечами, а Салатный закончил мысль:

- Кстати, никто пока не доказал, что где-то еще во Вселенной есть жизнь. Кроме как на нашей малюсенькой Землюшке.

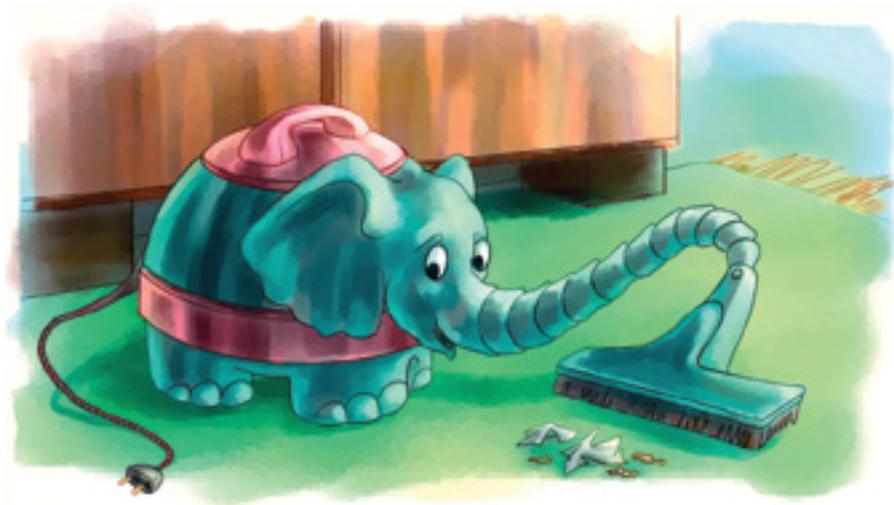
- Это ты к чему сказал?

- К тому, что живые зайцы, может, даже гордятся, что они живые.

- А-а... А мы давай будем гордиться, что мы игрушечные.

- Давай.

ПЫЛЕСОСОВЫ ГРЕЗЫ

]

Жил-был на свете ма-аленький слоник. А все думали, что он – пылесос. Жил он у мамы в шкафу и был такой застенчивый, что не спорил, а послушно жужжал и чистил ковер, когда его хвост втыкали в розетку. А чего перечить? Это же ненадолго. К тому же, хотя слоник и любил мечтать больше всего на свете, он все-таки считал, что иногда полезно выйти из своего уютного шкафа в реальный мир. Чтобы, например, глянуть одним глазком на Сашку-

Букашку – какая она уже выросла большая и умная.

Конечно, умная! Была бы она глупая, она бы пугалась, когда он жужжит. А она совсем не боится, наоборот, подбадривает его песенкой:

- Тля-тля-тля,
Тля-тля-тля...

«Вот какая толковая и добрая девочка, - думал при этом слоник, радостно жужжа. - Никто больше не догадался сочинить песню про маленькую тлю, а она, между прочим, ничем не хуже любого другого животного». Порадовавшись так, он смиренно вставал назад в свой шкаф и, свернув хобот, вновь принимался изо всех сил мечтать.

В этот раз, например, он размечтался про то, как они с Букашкой путешествуют по густым тропическим джунглям. Здесь царит вечная полутьма: солнечные лучи с трудом пробиваются сквозь дремучие кроны деревьев и заросли лиан, а воздух пропитан терпким ароматом цветов и прелых листьев. Множество опасных зверей – котов, кротов и

зайцев, - посверкивая глазами, следят за ними из-за стволов, но Букашка никого не боится.

- Вперед, мой слоник! – командует она, дружески теребя его за ухо. – До пещеры мы должны добраться затемно!

Они же тут не просто так прогуливаются, а идут спасать прекрасного принца, которого, само собой, заколдовал и прячет теперь в своей волшебной пещере злой дядюшка-чародей. А сам тем временем правит страной, да так, что все ее жители стонут и плачут...

Звонко потрубив хоботом, слоник (теперь он, кстати, уже не маленький, а очень даже большой) ускоряет шаг, но тут же понимает, что этого недостаточно: совсем близко раздается оглушительный треск электрического разряда, воздух становится еще плотнее, а сумерки стремительно сгущаются... В джунгли пришла гроза.

- Скорее, мой милый слоник, скорее! – просит принцесса. – Мы уже рядом! – На этот раз в ее голосе слышна тревога, и это неудивительно: если ливень размочит почву, двигаться дальше станет невозможно. Да и молнии – штука не самая безопасная. Что такое электричество, слоник знает не понаслышке.

Он уже мчится во всю прыть, и от отчаяния его спасает только забота о хозяйке, которая, крепко обхватив за шею, прижимается к его затылку. Он успеет! Он не даст Букашку в обиду...

Трах-тарарах! словно рвется черная ткань, которой обернут мир, и вспышка огромного фотоаппарата на миг пробивается сквозь листву. Стук капель учащается, превращается в сплошной гул, но ни одна дождевка еще не коснулась земли, застревая в кущах.

Слоник чувствует, что выбивается из сил... Но тут сверху обрушивается сразу целый поток. Он освежает сухую потрескавшуюся кожу, и слон устремляется вперед еще быстрее. Наконец (о чудо!), стволы и стебли редуют, а в просветах виднеется укутанная серой дымкой вершина черной скалы.

- Пу-пу-пу-пу-у! – торжествующе трубит слон-пылесос и, вложив в рывок последние силы, припускается к горе.

2

И вот они у подножия. В полутьме вход в волшебную пещеру зияет плотной черной

кляксой. Своим мощным хоботом слоник спускает принцессу со скользкого загравка. Бедная девочка измотана долгой дорогой, промокла до нитки, но полна решимости.

- Стой здесь, милый слоник, - говорит она. - Как жалко, что ты не можешь пойти со мной или хотя бы спрятаться в пещере от дождя. Придется тебе помокнуть, пока я спасаю этого дурацкого принца.

- Бу-бу-бу-бу, - тихонько гудит слоник. Мол, ничего, потерпим, только уж ты, милая Букашка, будь осторожна: все знают, что злой колдун ужасно коварен...

Но она, чмокнув его в лоб, уже исчезает внутри.

Думаете, слоник не видел, что происходило с ней дальше? Как бы не так! Не забывайте, что все это – его мечты, а мечтать можно не только о себе, но и о других, особенно о тех, кого любишь.

... Оказавшись в крошечной темноте, принцесса поспешно скинула с плеч маленький рюкзачок и развязала тесемки. Хорошо, что внутрь не попала вода - впрочем, так и должно быть, ведь она серьезно готовилась к этому походу. Вот кремни, вот огниво, - она на

ощупь достала необходимые вещи, - а вот и заправленная маслом лампа...

Едва огонек успел затеплиться, как тут же чуть не потух, задрожав от дуновения сырого и холодного воздуха подземелья. Принцесса быстро опустила стеклянную трубку, и защищенное пламя вытянулось ровным язычком.

Перебросив рюкзак через плечо и выставив лампу перед собой, принцесса двинулась вниз по вырубленным в граните ступеням. Нужно спешить: дядюшка-чародей празднует сегодня в столице очередную годовщину своего вступления на престол, и это единственный момент в году, когда его весь день нет в пещере. И этот день подходит к концу...

Шаг за шагом, ступенька за ступенькой, поворот...

- Гав, гав, гав, гав! – натянув цепи и ощерившись, из темноты прямо к принцессе бросились три огромные собаки с горящими глазами и слюнявыми пастями. Злой чародей знал, что эти собаки не пожалеют никого. Не знал он только, что ни одна божья тварь не тронет того, кто искренне ее пожалеет.

- Собачки мои маленькие, собачки мои беденькие! – запричитала принцесса и чуть не

заплакала, представив, каково им тут сидеть на привязи, годами не видя белого света. – Гадкий колдун, небось, и не кормит вас как следует?

Поставив лампу на пол, она полезла в рюкзачок.

- Что у меня тут есть для вас? Ага! Вот бабушкины пирожки и мамины конфеты. Берите, берите, кушайте... Извините, что мало.

Удивленные собаки съели пирожки, не отказались и от конфет. Переглянулись... И подумали: «А чего это ради мы так рьяно служим этому колдуну? Лет уже, кстати, двести. Он нам за все это время ни разу таких вкусных вещей не давал...».

Это были хорошие, верные сторожевые собаки. Но не стоит испытывать верность: все на свете имеет предел. Они облизнулись, молча сели и, виляя хвостами, посмотрели на принцессу.

- Когда принц взойдет на престол, он вас обязательно выпустит на волю, - пообещала та. – Если вы, конечно, кусаться не будете. У нас во дворе много собачек бегает. Я их всех знаю, они хорошие и не кусаются... Ну, я пойду?

Собаки снова переглянулись и чуть заметно кивнули. Мол, иди, конечно. Раз надо. И принцесса побежала дальше.

Шаг-шаг-шаг, еще шаг, поворот... Пш-ш!!! – полыхнуло ей навстречу пламя из пасти небольшого дракона. (Большой бы тут не уместился.)

- Ой! – воскликнула девочка. – Еще одна зверушка! Бедненькая... Тоже на цепочке... Что же тебе дать? Говорят, драконы любят драгоценности и украшения. Вот, возьми. – Она сняла с шеи нитку бус. – Они не драгоценные, просто стеклянные, но красивые, правда?

Дракон удивленно сел на хвост, сложил перепончатые крылья и протянул лапу.

- Мне их папа на день рождения подарил, когда я была еще совсем маленькой, – продолжала Букашка. - Жалко, конечно, но тебе нужнее... А папа меня поймет. Давай-ка я тебе их примерю.

Дракон (а на самом деле это была дракониха) наклонила голову, и принцесса надела бусы ей на шею.

- Красота! – воскликнула она, ни капельки не кривя душой. – Вот тебе зеркальце, посмотри, какая ты хорошенькая! Зеркальце я тебе тоже дарю.

Подпуская для освещения чуть-чуть пламени изо рта и зажав зеркальце в лапе, дракониха уставилась на свое отражение. Ее глаза с узкими полосками зрачков стали огромными, а

губы, обнажив клыки, сами собой растянулись в улыбку.

- Вообще-то мне пора, - заметила Букашка. – Можно?

- Угу, - отозвалась дракониха, которая, оказывается, умела говорить. – Спасибо... - Она даже чуть охрипла с непривычки говорить такие слова. – Беги.

- А тебя колдун за это не обидит? – помедлила Букашка.

- Хы-хы, - отозвалась дракониха. – Меня-то? Да чё он мне сделает?.. Беги, беги. Если он появится, я свистну.

3

Принц лежал на гранитном ложе посреди освещенного факелами склепа. Недолго думая, принцесса опустилась на колени, поцеловала его (так научила ее одна опытная старушка), и тот сразу очнулся.

- Ох, - сказал он. – Ты кто такая? Чего целоваться лезешь? И вообще... Где это я?

- Давай-ка не болтай, а бегом отсюда! – нахмурилась принцесса, чтобы он не заметил ее смущения.

- А чего это ты раскомандовалась? Я все-таки принц!

- А я – принцесса! Вот сейчас явится твой любимый дядюшка, узнаешь тогда, чего я раскомандовалась!

- Ой! – испугался принц. – Тогда побежали...

Дядюшку он знал хорошо. А еще знал, что волшебные чары его неприятного родственника действуют только в пещере, так что нужно отсюда срочно выбираться.

Вприпрыжку взбегая по лестнице мимо довольной драконихи и безучастных собак, принц бормотал: «И дернул меня черт принять его приглашение... Нужна мне его пещера!.. А он мне в нос пылью волшебной...»

Они были уже у самого выхода, когда снизу раздался оглушительный свист.

- Дракоша! – догадалась принцесса. – Дядюшка явился!

И тут же чуть позади раздался хлопок, полыхнула вспышка, запахло дымом, и возникшая темная фигура зловещим голосом поинтересовалась:

- И далеко ли ты собрался, племянничек? Да еще с такой поспешностью...

- Э-э... - замялся тот. – Да так, домой. Во дворец...

- А-а, - кивнул чародей. – Ну, тогда не спеши. Место-то занято. И надолго!

С этими словами дядюшка выдернул из кармана халата золотую коробочку, ловко открыл ее, дунул, и еле видимое в свете лампы облачко колдовской пылицы быстро заструилось к принцессе и принцу...

Но тут снаружи в пещеру всунулся хобот и без остатка втянул это облако в себя. Еще миг - и наши герои уже выскочили из пещеры под проливной дождь.

- Ты еще пожалеешь! – злобно прошипел из глубины дядюшка, но шагнуть за порог побоялся. И тут же сменил интонацию на увещательную: - Слушай, ну зачем тебе это надо? – зашептал он. - Теперь ведь тебе работать придется, страной управлять. А так... спал себе да спал, отдыхал в свое удовольствие... Может, вернешься?

- Спасибо, дядюшка, я уже отдохнул, - откликнулся вежливый принц и больше на шипение из пещеры не обращал внимания.

Принцесса тем временем обнимала своего спасителя.

- Слоник! Бедненький! Ты не заболеешь от этой гадости?

- А-а-пчхи! – ответил тот, а затем помотал головой: дескать, мне не привыкать всякую гадость в себя всасывать. Лишь бы вам хорошо было. И вообще, если честно, то я железный.

Он помог хозяйке и ее новому другу забраться себе на спину и двинулся в обратный путь.

- Слоник, милый, ты не спеши, - говорила ему принцесса. – Теперь можно не торопиться. Теперь все будет хорошо!

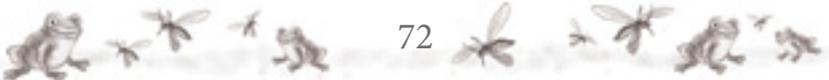
«А я и не спешу, - думал тот. – Поспешешь тут, пожалуй, когда такое месиво под ногами...»

Тут дверца шкафа отворилась, и слон-пылесос очнулся от грез.

- Давайте-ка почистим ковер, - сказала мама, вытаскивая его на свет, - а то сейчас папа придет, а у нас не убрано.

- Па-па-па! – откликнулась Букашка и улыбнулась, потому что очень обрадовалась,

и даже добавила: - Пф-ф-ф, - пуская через улыбку слюнки.

Она еще и знать не знала, какая она умная и смелая. Зато уже хорошо знала, какие вокруг нее все большие и добрые – и люди, и звери, и даже пылесосы.

А на улице шел дождь, и слякоть стояла, как в джунглях. Зима только-только заканчивалась, а весна начиналась.

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ, ВЫЗДОРОВИТЕЛЬНАЯ

]

Сперва растаял снег, и получились лужи. Потом под солнцем эти лужи испарились, и стало совсем сухо... Вот только мокро и слякотно стало вдруг под носом у Букашки.

- Просто напасть какая-то! – в который уже раз воскликнула мама, промокая жиденькие букашкины сопли салфеткой. – Когда взрослый болеет, он хоть понимает, что с ним происходит. А ей, бедненькой, не объяснишь.

Они с папой стояли возле придвинутого к подоконнику комода и следили, чтобы восседающая на нем Сашка, не дай бог, оттуда не сверзилась. И украдкой, не заостряя на этом внимания, одевали ее для похода в больницу.

- Сейчас Саша туда пойдет, на улку, - продолжала мама, застегивая на дочке кофточку...

- Забавно, - сказал папа, нанизывая на ее маленькие лапки полосатые носки. – У нее есть дом, а все остальное – «улка». То есть улка – это вселенная... А болеть ей, наверное, надо иногда. Чтобы организм научился бороться с вирусами и бактериями. Чтобы иммунитет появился.

- Иммунитет вовсе не на все болезни вырабатывается, - возразила мама. – От простуды нет никакой пользы, кроме общего ослабления.

- Ка! – сказала Сашка и показала рукой за окно.

- Правильно, – обрадовалась мама, – птич-КА на ул... Во вселенной.

- Она вовсе не на голубя смотрит, а на вон ту длинную таксу, - заявил папа. – Но все равно правильно. Собач-КА. Умница... А простуда, даже если не вырабатывает иммунитет, все равно закаляет дух и воспитывает характер. Должен же человек когда-нибудь узнать, что на свете бывают и невзгоды.

- И именно папа с мамой должны их человеку предоставить... Из тебя воспитатель, как из меня балерина, - мама снова промокнула Сашке нос. - Дай тебе волю, ты бы только и устраивал ей невзгоды. Для за-
калки.

- Га! – сказала Букашка. Мама поддержала ее:

- Даже ребенку и то смешно от твоих рассуждений.

- Балерина из тебя нормальная, - заметил папа, окинув маму внимательным взглядом. - А «га» – это «гав», так собачки лают. Правда ведь, доча?

- Па! – отозвалась та.

- Видишь, ребенок говорит, что папа прав. Ребенок умный.

- Ребенок говорит, что это – памперс, - возразила мама, застегивая липучки по бокам. - Ребенок вообще не склонен лезть в споры взрослых, а говорит исключительно по существу.

- И это правильно, - кивнул папа. - Пойду-ка и я по существу спущу вниз коляску, пока вы доодёвы-
ваетесь.

- ...Прямо, как мы с тобой, - заметил Сиреневый заяц, когда входная дверь за мамой захлопнулась. - Спорят и спорят, препираются и препираются...

- Они просто так разговаривают, - возразил Салатный. - Они не ругаются.

- А я разве сказал, что ругаются? Я сказал, препираются. Как мы. Мы с тобой, что ли, ругаемся?

- Да никогда! – воскликнул Салатный.

- То-то же, - кивнул Сиреневый, не замечая иронии. - Слушай: а про что они говорили? Кому «ему», и какой такой «нитет»?

- Понятия не имею, - признался Салатный.

- Я знаю! Я! – выбралась из коробки синяя Гусеница с цветными лапками. - Щас ласскажу! Никому не «ему» и никакой он не «тет», а иммунитет!

- А-а, - понимающе кивнул Салатный. - Значит, не му, не тет... Все равно непонятно.

- Да никакой не «му», никакой не «тет»! – рассердилась Гусеница и от возбуждения принялась по своему обыкновению кругами бегать по комнате. - Им-му-ни-тет! – выкрикнула она по слогам. - Слушайте внимательно! – она остановилась прямо перед зайцами: Им! Му! Ни! Тет!!! Ясно?!

- Ага, - снова кивнул Салатный. - Еще бы. Вот, значит, что. Им-му-ни-тет. А кто он?

- Он - никто! – завопила Гусеница. - Он – защитные силы! Чтобы болотья с миклобами! С вилусами и бактелиями!

- А это еще кто?! – возмутился Сиреневый. - То не му, то не тет, то еще бактелии какие-то вислоусые!

- Вирусы и бактерии, - вдруг пробасил резиновый

Ослик. – Извини, Гусеница, что вмешиваюсь, но они бы опять ничего не поняли. Ты неправильно произносишь. – Вирусы и бактерии, – повторил он. – Или вместе – «микробы».

- Спасибо, – сухо отозвалась Гусеница. – Я вообще-то, когда сталаюсь, то выговаливаю. Вот: «Р-р-р», – прорычала она раскатисто. А потом стала говорить, тщательно вставляя этот звук в нужные места: вир-р-русы и бактер-р-рии. Это такие маленькие-племеньки звер-ри, котолые залезают Букашке в ор-р-рганизм, кусают ее, и она от этого болеет. Вот.

- Ах, какие вредные! – воскликнул Сиреневый.

- Еще какие! – согласилась Гусеница. – Злые и голодные!

- А почему мы их не видим? – спросил Салатный.

- Потому что они маленькие-маленькие-племеньки!

- Маленькие зайцы, маленькие кроты, маленькие волки?.. – уточняя, стал перечислять Салатный.

- Да нет же! – вскричала Гусеница. – Они совсем-совсем другие! Хотя... Может, и такие... А какая р-р-разница?

- Ну, не скажи, возразил Салатный. – Если они – голодные зайцы, надо просто дать им морковку, и они сразу перестанут кусаться.

- Ха! – сказал Ослик. – А ты – умный. Это называется «лекарство»: когда что-то даешь, и микробы перестают кусаться.

- Тс-с!!! – прошептала гусеница, и, пятясь, вползла обратно в ящик с игрушками. – Идут!

2

Ничего особенного в больнице не происходило, Букашке выписали какие-то капельки – и всё, а ночью ей вдруг стало по-настоящему плохо. Теперь это уже не походило на обыкновенную простуду. Мало того, что поднялась температура, самое неприятное, что Сашку несколько раз подряд стошнило. Ее тошнило и просто так, без всякой причины, и после каждого глотка воды, и даже когда мама пыталась кормить ее грудью... Никогда еще ничего подобного с ней не происходило, никогда еще ей не было так плохо. А она ведь даже не знала, что такое может быть, и вся она стала такой слабенькой и вялой, как тесто.

- Да что же это такое?! – причитала мама. – Что ж это с тобой, Букашечка?!

«Это злые микробы забрались ей в нос и сделали

ее слабой, - догадался Сиреневый. - И тогда другие, еще более злые, залезли ей в животик».

«Точно так, - подумал ему в ответ Ослик. – Иммунитет-то ослаб».

«А в больнице всякие микробы так и шныряют – от одного ребеночка к другому, - подтвердила Гусеница. – И по воздуху летают, и по полу бегают!..» - мысленно она не картавила.

«И никто их не ловит? – удивился Салатный. – Это же больница, там врачи...».

«Мало ли что! Микробы очень хитрые и хорошо умеют прятаться!»

«Ох, поймал бы я одну такую микробину! - нахмурился Сиреневый и мысленно погрозил кулаком. – Я б ее!.. Защекотал бы до потери сознания!».

«А я бы... - поддержал его Салатный. - Я бы ей сказал что-нибудь такое... Объяснил бы ей, какая она нехорошая, ей бы сразу стало стыдно, и она бы убежала!»

А Букашке тем временем становилось все хуже. Она не слезала у взрослых с рук и то засыпала, уронив горячую головку папе, маме или бабушке на плечо, то просыпалась и тихонько хныкала. А взрослые сгорали от жалости и тревоги и чувствовали себя самыми несчастными людьми на свете

оттого, что не могут ей помочь.

Если бы они только могли, они взяли бы все ее болезни на себя, и, как бы им ни было тогда плохо, они бы радовались, что их любимая Букашечка здорова... Но нет. Никто еще так делать не научился, кроме, может, каких-нибудь волшебников.

Наконец, приехала «скорая». Большая пухлая тетенька-врач потрогала Саше животик, посмотрела ей горло, прижав ложечкой к нёбу язык, потом послушала ее, прикладывая ей к спинке и груди холодную круглую железку.

- Похоже на отравление, - сказала она. - Что-то особенное ребенок ел сегодня?

Ничего особенного Букашка в этот день не ела.

- Понятно, - сказала тетенька-врач. - Это плохо. Тогда может быть и не отравление. Давайте-ка так. Сейчас я поставлю ей укольчик, и тошнить не будет. Пусть спит, а когда будет просыпаться, давайте ей побольше пить. Если к утру ей не станет лучше, вызывайте нас снова, и тогда поедem в специальную больницу.

Всем от ее слов стало как-то немножко полегче. Чувствовалось, что она, тетенька, много раз видела подобное и ничего страшного ни с кем не случилось... Но под утро Букашке снова стало очень плохо, и «скорую» вызвали опять, и они с мамой уехали в эту специальную больницу.

Больница была настолько специальная, что больше напоминала тюрьму. Она стояла за городом, и в нее никого не пускали. Больным можно было только что-то передать, да и то не все.

...Папа, испуганный и мрачный, шел от остановки по серой бетонной дороге, вдоль каких-то гаражей. Он нес пакетик с передачей. Главным в нем было какое-то лекарство, название которого мама продиктовала ему по телефону. Еще там были разноцветные кубики и пирамидки для Сашки, бананы и сок для мамы.

Внезапно налетел ветер, деревья за гаражами зашумели и, качаясь, неприятно заскрипели. Папа подумал о том, какую ерунду он болтал еще вчера утром про то, что болезни полезны и укрепляют. Он подумал еще, в какое страшное место привезли его дочку и что она – самое важное для него на свете, а он совсем-совсем ничего не может для нее сделать. Он подумал, что с детьми вообще не должно происходить такой гадости, а уж тем более с лучшей девочкой на свете. Он чуть не заплакал, но потом удержался, потому что подумал, что, если поплачешь, станет легче, а это нечестно, чтобы ему было легче, чем маме и Букашке, им ведь и так хуже, чем ему.

Из-за гаражей выскочили три большие светлые недружелюбные собаки и стали грозно лаять, словно не желая пропускать. Но он просто не обратил на них внимания, и они замолчали, провожая его недобрыми взглядами.

Маме и Букашке действительно было еще хуже. Букашке – потому что она болела, потому что ей промывали желудок и поили чем-то горьким, потому что ей все время делали какие-то уколы, а иногда ставили «систему». Она не понимала, за что ей все время делают больно, и уже, как огня, боялась белых халатов... А мама просто умирала, видя, как плохо ее маленькой доченьке, и сердце ее постоянно обдавало холодом при мысли, как ужасно все это может кончиться. Но она гнала от себя все эти страшные мысли и старалась вовремя делать все-все-все, что наказывала ей врач, о которой говорили, что хоть она такая строгая и сердитая, но зато «хороший специалист»...

Папа приходил сюда уже не в первый раз, потому он не стал передавать пакет таким же строгим и сердитым, как врач, медсестрам. Он остановился под окном букашкиной палаты и позвонил маме. Та выглянула, кивнула, а затем выбросила в форточку переданный в прошлый раз клубок веревки, держа ее конец. Разматываясь, клубок полетел

вниз. Папа поймал его и привязал веревку к пакету. Мама быстро затянула его наверх и ненадолго исчезла. Потом она появилась в окне, поддерживая бледненькую Сашку подмышки на подоконнике. Папа запрыгал и замахал руками, изображая радость. Букашка чуть заметно улыбнулась и покачала рукой. Тут папа, как и в прошлые разы, испугался, что она расстроится оттого, что он только прыгает тут под окнами, а к ней не идет. Не идет ее спасать, когда ей так плохо...

Он достал телефон и набрал номер.

- Ты ее тихонечко сними с окна и отвлеки, чтобы она не расстроилась, что я ухожу.

- Ладно, – мама и Саша исчезли из проема, но разговор продолжался: - Спасибо за передачу.

- Ну, что говорят?

- Ничего.

- А анализы?..

- Будут готовы только через три дня. А пока ее лечат, сами не знают от чего.

- Она что-то ест?

- Нет.

- А чем же она питается?!

- Ей вливают глюкозу прямо в кровь...

- О, господи...

- Ну, ладно, пока. Она что-то закапризничала...

- Да-да-да, не отвлекайся от нее. Всё, пока.

Говорить какие-то ласковые слова друг другу просто не было сил, слишком уж плохо у них у обоих было на душе. Папа сунул телефон в карман. Белесые собаки молча проводили его взглядами до остановки.

3

День за днем так прошла целая неделя. Холодно и неуютно было без Букашки и игрушкам.

- Какие же мы с тобой дураки, - сказал Салатный. - Еще жаловались, что она с нами не играет.

- Ну, так мы же думали, что, когда ей нас подарят, она только с нами все время и будет играть...

- Балбесы жадные! Ей ведь не только нас подарили, ей вон сколько всех надарили! Главное-то, что она вообще тут была. Уже от этого хорошо было!

- Это точно, - вздохнул Сиреневый.

- Слушай, - сказал Салатный. - А как ты думаешь, чего больше всего на свете не любят микробы?

Из ящика снова высунулась Гусеница и сказала:

- Я, я знаю!

- Чего?

- Веселья и радости, вот, чего они не любят.

- Ты понял? - обернулся Салатный к товарищу. - А мы тут с тобой нюни распускаем. Микробам от этого одно удовольствие.

- Точно! - сказал Сиреневый. - А знаешь что? Давай писать веселые песенки. Микробы их услышат, узнают, что мы не падаем духом, испугаются и убегут.

- Это, конечно, хорошо было бы, только убегут-то те микробы, которые здесь, а не те, которые в Букашку залезли.

- Н-да... - приуныл Сиреневый.

- Нет-нет-нет! - закричала Гусеница. - Ты всё плавило плидумал! Пр-равильно пр-ридумал, - поправила она. Все плохие очень любят сплетничать. Те микробы, которые отсюда убегут, обязательно всем р-расскажут, какие мы др-ружные, и как любим Букашку... Те ласкают другим, и те - тоже, и так все микробы это узнают, испугаются и оставят Букашку в покое.

Ослик из уголка пробасил:

- Надо попробовать. Что-то мы расслабились. Не знаю, будут микробы сплетничать или не будут, но главное, мне кажется, если очень захотеть, чтобы Букашка выздоровела, ей это обязательно поможет.

- Отлично! - воскликнул Сиреневый и сразу почувствовал, насколько ему стало легче от мысли, что

- Начинается... - вздохнул Салатный.
- А что такого-то?! Какая разница?! Главное – что-то выздоровительное сочинить, а песенка это или не песенка – не важно!
- Читай уже, - скорчил рожу Салатный.
Сиреневый на него покосился, а потом, показывая на всех по кругу лапкой, заговорил:

*Раз, два, три, четыре, пять,
Вышла Сашка погулять,
Вдруг микроба выбегает,
И давай ее кусать.*

*Я за хвост ее схвачу,
Как ей в ухо закричу:
«Отпусти Букашку быстро,
Я, ей-богу, не шучу!».*

*Чтоб она, как от огня,
Убежала от меня,
Чтоб Букашка здоровела
И росла день ото дня!*

Некоторое время все молчали, потом Салатный сказал:

- Я все тебе, Заяц, прощаю. За то, что ты такой талантливый.
- Да, ладно, - смутился тот. – Ничего особенного. Даже у тебя, наверное, почти не хуже.
- Да уж, наверное, - усмехнулся Салатный. – Только я про другое написал. Просто, чтобы радостно было и микробы испугались бы. Вот, - и он запел, подскакивая в такт:

*Как по облаку, по тучке
Прыгали собаки –
Кнопки, Шарик и Жучки,
Бобики и Бяки.*

*В гости к ним с веселым криком
Подлетели раки;
Им обрадовались дико
Бедные собаки.*

*И приветственные знаки
Ракам показали.
Испугались дико раки,
Р-раз! И ускакали.*

- Хи-хи-хи, хо-хо-хо! – засмеялись Ослик с Гусеницей. – Молодец, Салатный!

- Ну, ничего, ничего, - сказал Сиреневый сдержанно. – Только на мое похоже. Просто вместо микробины у тебя раки, вместо Букашки – тучка, а вместо меня – собаки. Это что, метафора?

- Сам ты метафора! – обиделся Салатный.

- От метафоры слышу! – парировал Сиреневый.

Тут резкий каркающий хохот вперемешку с хитрым помявкиванием послышались со стороны окна. Игрушки обернулись. В форточке, нахохлившись, сидел Ворон, а рядом с ним примостился рыжий Кот.

- Вы участвуете в конкурсе? – уточнил Сиреневый.

- Всенепременно!!! – воскликнул Ворон.

- Может, ты уже и написал что-нибудь? Может, споешь?

- Не вопр-р-рос! Только у меня – р-рэп. Мне кор-р-ршун в детстве на ухо наступил.

- Ну, пой хотя бы рэп, - махнул лапкой Салатный. – Мы теперь уже передоговорились, - покосился он на Сиреневого. - Можно даже не песенку, а что угодно другое – хоть стишок, хоть сказку... Хоть сплясать.

Ворон кивнул, качнулся на перекладине рамы и, размахивая крыльями, принялся декламировать:

Эй, ты, слышишь, стой!

Не микроб ли ты?

Неопрятный, злой,

Из-под ног - следы!..

Этот двор – мой двор,

Я в нем - черный царь!

Не пройдет тут вор

И другая тварь!

Эй, ты, слышишь: «Кар-р!»

(И это не ложь!)

«Вон! Кончай базар!

Букашку не трожь!»

- Кар-р!!! – закончил Ворон грозно, потом остановился, сложил крылья, огляделся и тихо добавил: - Извините, если кого обидел.

- Класс! Класс! – закричали игрушки-зверушки. – Никого ты не обидел, не беспокойся, мы же не микробы!

- Ну, кто следующий? – огляделся Сиреневый.

- Давайте я, - сказала Гусеница. – А-то у меня что-то... Не фонтан... Не ахти... А вы все такие молодцы, что я боюсь, если буду последняя, вы будете смеяться...

- Я точно не буду, - пробасил Ослик. – Хоть у меня

лучше всех... Но я тоже последним петъ не хочу.

- Ладно, странные вы создания, - сказал котик. – Так и быть, мур, я буду последний.

- Кхе-кхе, - сказала Гусеница. – Тогда слушайте.

Она кругами забегала по комнате и стала приплясывать, тоненько напевая со своим картавым акцентом:

*Я себе жила-была
И нигде я не была,
Вот так-так, вот так-так,
Как-то было все не так!*

*Но купили вдруг меня
Как-то раз средь бела дня,
Ай-люли, ай-люли,
Меня в сумке принесли!*

*И теперь я вся вот тут,
Где игрушки все живут,
Труля-ля, труля-ля,
Мы теперь одна семья!*

- Вот, - Гусеница остановилась, присела, и ее синие рожки печально опустились. – Смеяться будете?

- Да ни за что! – сказал Сиреневый. – Мы над друзьями не смеемся. А стихи и песни я тебя научу писать.

- Ты не слишком-то задавайся, - осадил его Салатный.

- Да? – воскликнул Сиреневый. – А кто говорил, что я – талантливый?!

- Я пошутил, - сказал Салатный.

- Да-а?! – возмутился Сиреневый. Но его перебили:

- Кхе-кхе, - сказал Ослик. – А можно и мне, так сказать, кхе-кхе...

- Спеть? – уточнил Сиреневый.

- Да. Вот именно. Только я недосочинил еще чуть-чуть.

- Ладно, пой, - сказал Салатный, и остальные согласен промолчали.

- Ага, - сказал Ослик. – Ну, ладно. Посвящается Букашке.

И он запел красивым сочным голосом:

*Я встретил вас, и всё былое
В отжи-ившем сердце ожило,
Я вспомнил вре-емя, время золотое...*

Он остановился и сказал:

- Пока всё.

- Где-то я уже это слышал, - сморщил лоб Сиреневый.

- Ну, конечно, - отозвался Ослик. – Это известный романс. Я только последнюю строчку решил свою дописать. А что, нельзя?

- Ну, наверное, можно, - пожал плечами Сиреневый. – И какая последняя строчка?

- Я еще не придумал, - признался Ослик. – Я же сказал, что недосочинил.

- Да-а... - протянул Сиреневый.

- Я потом досочиню, - заверил Ослик.

- Так конкурс-то уже закончится, - заметил Салатный.

- Ну и ладно, - сказал Ослик. – Я и не претендую на первое место. Пусть теперь Кот поёт. Он один остался.

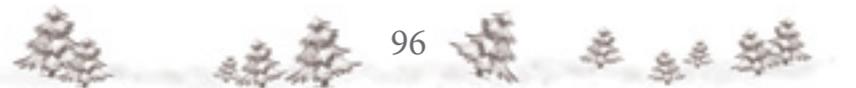
Котишка не заставил себя долго ждать, соскочил с форточки на подоконник, потом на пол, грациозно прошелся по комнате, остановился и сказал:

- Чтобы песня получилась хорошей, вы будете мне подпевать.

- Но мы же ее не знаем! – загалдели игрушки.

- И не надо. Вам нужно будет только повторять последние строчки, начиная со слов «и я».

- И я, - повторил Осел. – И-я! Мне нравится.

- Тогда поехали! – сказал Котик и запел:

*Все любят маленьких котят,
И все погладить их хотят,
И я, мур-мур, и я, мур-мур,
И я люблю их всех подряд!*

Все вместе!

И я, мур-мур, и я, мур-мур,

И я люблю их всех подряд, - с удовольствием запели все и запрыгали, и особенно громко «и я!» кричал Ослик.

*Котята есть и у кротов,
И у людей, и у китов,
Но я, мур-мур, но я, мур-мур,
Их все равно любить готов!*

Все вместе! – взмахнул лапкой Котик.

*Но я, мур-мур, но я, мур-мур,
Их все равно любить готов!*

Котик довольно прищурился и продолжил:

*Все любят маленьких котят,
Цыплят, ребят и жеребят,
Тигрят, слонят и жирафят,
Бурундучат, лисят и львят.*

*И журавлят, и буйволят,
И лягушат, и кенгурят,
Ужат, ежат и медвежат,
Ягнят, зайчат и верблюжат,*

*И тюленят, и кабанят,
Бобрят, выдрят, и оленят,
И я, мур-мур, и я, мур-мур,
И я люблю их всех подряд!*

Все вместе!!!

*И я, мур-мур, и я, мур-мур,
И я люблю их всех подряд!..*

5

- Уф-ф, - перевели дух игрушки, просмеявшись. –
Вот это попрыгали!

- Ну и как мы теперь будем выбирать, кто победил?
– ревнивым гнусавым голосом спросил Сиреневый.

- А давайте не выбирать, - предложил Ослик. –
Главное-то – не это... Главное – чтобы Букашка
выздоровела.

- Я – за! – закричала Гусеница. – Только я, знаете,
что подумала?

- Пока не знаем, - сказал Ослик с апломбом и
огляделся по сторонам, довольный своей шуткой.

- Я нас посчитала: нас - шесть. Нужен седьмой.

Все очень удивились, и первым спросил Котик:

- Почему?

- Потому что семь – волшебное число, - объяс-
нила Гусеница.

- Смотрите! Смотрите! – вдруг закричал Сирене-
вый, показывая на окно. – Кто это?!

В окне, на ветке рядом с форточкой, сидел ма-
ленький зверек с пушистым хвостом.

- Это Белка, - сказал Кот. – Ты, мур-мур, откуда
тут взялась?

- Из леса, - отозвалась гостья.

- И давно ты нас подслушиваешь? – спросил Ос-
лик.

- Я не подслушиваю... Просто слушаю...

- Давно?

- С самого начала, - призналась Белка.

- О! – вскричала Гусеница. – А давай ты тоже
песенку напишешь, чтобы Букашка выздоровела!

- Или стишок, или рассказик, - добавил Сиреневый с упрямой интонацией.

- Нет, - покачала головой Белка. - Я ничего такого не умею. Совсем-совсем. Я все-таки лесной зверь. Но я все слышала, что вы говорили, и, если хотите, я поскачу сейчас за город, к больнице, где лежит ваша Букашка, и все ей расскажу. Я как раз в тот лес собиралась.

- А что ты р-расскажешь? - уточнила Гусеница.

- Как вы ее любите, как радуетесь, что она есть, как хотите, чтобы она выздоровела, какие песенки для этого написали... Чтобы микробы тоже услышали и испугались. Как вы хотели.

- Ну, ладно, - сказал Салатный, - скачи. Может, это и не надо, может, они и так узнают, но хуже не будет. Скачи. И скажи еще, что нас семеро. Мы все равно еще кого-нибудь найдем.

Белка улыбнулась, подмигнула, махнула хвостиком и исчезла.

- Мне кажется, она - волшебная, - тихо сказала гусеница. Остальные, проводив зверька взглядами, согласно покивали. Только Сиреневый сосредоточенно смотрел куда-то в сторону.

- Кого же взять седьмым?.. - задумчиво бормотал он. - Какую бы зверушку?.. - Вдруг он

встрепенулся, поднял голову и оглядел друзей.
- Остается только папа!

Когда папа пришел домой, он сразу почувствовал, что что-то изменилось. Почему-то дома было уже не так тоскливо и безрадостно. И как будто бы откуда-то со стороны ему в голову пришла мысль: «Не надо падать духом. Если очень захотеть, чтобы Букашка выздоровела, ей это обязательно поможет».

Он огляделся по сторонам, сел за стол, включил компьютер и набрал: «История седьмая. Выздоровительная». А потом написал эту сказку.

... А утром, только проснувшись, он сразу же стал перечитывать написанное вчера, что-то переделывать... И тут позвонила мама и сказала таким забытым радостным тоном, только слегка приглушенно:

- Сашка сейчас спит. А вообще нам сегодня лучше. Она уже вчера вечером хорошо покушала. Не тошнит, и температуры нет. И настроение получше. Мы даже, наверное, в четверг выпишемся. Так нам врач сказал.

- Ура! - воскликнул папа. - Ты не представляешь, какое «ура!». Что вам сегодня привезти?

- Привези мне попить, а Сашке - немного

сыра, только свежего-пресвежего. И еще какую-нибудь игрушку... Музыкальную, например. Только тихую, чтобы никого не будить.

- Хорошо, - сказал папа, - барабан.

Мама тихонько хохотнула, а потом сказала:

- А к нам тут в окно какая-то зверушка заглядывала - то ли белка, то ли мышка...

- То ли крыска, - предположил папа. - Знаю я вашу больницу. Хвост распушила, под белку маскируется.

Мама засмеялась снова, потом сказала:

- Ладно. Приезжай, мы ждем, - и отключилась.

А папа сидел перед компьютером и думал: «Выздоровливает. Слава богу. Что же ей помогло? Уколы? Лекарства? Или песенки игрушек из моей сказки? Или мамина любовь? Или и то, и другое, и третье?.. Да какая разница?! - решил он. - Главное, что выздоравливает и скоро будет дома. Вот это ура, так ура».

И еще он подумал (когда опасность отступает, все мы становимся смелыми): «А может быть, я все-таки был прав? Может быть, после всего этого Сашка будет еще здоровее и веселее?.. Во всяком случае, любить и беречь мы ее теперь будем уж точно еще сильнее, чем

раньше! Все мы», - подумал он еще и посмотрел на разбросанные по комнате игрушки.

А вскоре Принцесса Букашка, совсем уже здоровая, бегала по квартире. И, между прочим, ножками!!! Вот какая она сразу стала взрослая. А, оступившись, она не пугалась, а только приседала и смеялась. Вот какая она стала смелая.

ПРОСТО СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ

«Га», «га-га» и «га-га-га»

Она уже вовсю говорит, но по-своему. «Га» на сегодняшнем Букашкином языке означает «глазки». Ну, так ей проще произносить. Без «л», без «з», без «к» и без «и». Но вообще-то почти правильно. «Га-га» - это собачки, потому что они говорят «гав-гав». А «га-га-га» - это прогулка. Почему, не ясно. То ли потому, что на улке много собачек, то ли потому, что, наряжая ее, мама приговаривает: «Гулять, гулять, гулять...», а «гу-гу-гу» пока не получается...

Как бы то ни было, больше всего на свете Букашка любит как раз «га-га-га», там находить «га-га» и показывать их папе с мамой. И еще «мя» (кисок). Их тоже надо найти и показать. Ну и уж непременно «ка» (это значит, качаться на качелях). Последнее – самое-самое любимое-прелюбимое ее занятие. Происходит это так. Мама устраивается на подвесном сиденье, берет дочку себе на колени и, придерживая ее, начинает плавно раскачиваться. А Букашка при этом самозабвенно повторяет: «Ка-а... Ка-а-а...».

...Сегодня мама сказала:

- Ужасно обидно, что, когда мы с Сашкой валялись в больнице, прошел ее День рождения. Самый первый в жизни настоящий День рождения у человека, а отметить его как следует не получилось.

- Зато мы выздоровели, – возразил папа. – Вот что главное. А День рождения мы можем хоть сейчас устроить. Делов-то.

На том и порешили: как придет с работы бабушка, так все и отправятся на праздничный пикник, благо, погода стоит на редкость ясная. А, пока бабушки нет, именинницу решили выгулять в центре города.

- Пора ребенку развеяться, - пояснила мама.

- Давно пора, - согласился папа и усадил Сашку себе на загрибок.

- Га-га-га, - подтвердила она, и втроем они двинулись к остановке.

Сначала ехали на автобусе, и Сашка прыгала у папы на коленях. Потом вышли на площади, и Сашка увидела огромную клумбу розовых тюльпанов. Как будто ими случайно засадили вместо травы футбольное поле. Лицо у Букашки сразу стало таким светлым и удовлетворенным, словно она всегда знала, что мир должен выглядеть именно так. Как будто рыбке впервые показали море, и она подумала: «А, так вот где я должна жить!». Топ, топ, топ, - пошла Сашка к цветам. Наклонилась, понюхала и зажмурилась от удовольствия. Или потому что лепесточки нос пощекотали.

Потом папа с мамой подвели ее к фонтану, и она огромными глазами стала разглядывать, как высоко взмывают, а затем падают вниз белые пенные струи. Смотрела, смотрела... И вдруг стала канючить, протягивая к воде лапки. Что тут поделаешь? Папа приподнял ее и, держа за животик, осторожно наклонил. «Шлёп! Шлеп!! Шлеп!!!» - принялась она бить ладошками по

воде, брызги – в стороны! Мы – сами себе фонтаны!..

А потом она увидела прекрасных животных. Они были точно такие же, как ее резиновый ослик, только не резиновые и раз в десять больше. И еще живые. И это были не ослики, а лошадки. Но все равно она их узнала, во всяком случае, сразу поняла, что на них тоже можно кататься. Среди них была одна лошадка поменьше других – пони. На нее-то мама и посадила Сашку, и они осторожно обошли площадь кругом. Выражения лица Букашки и пони были при этом одинаково серьезными и ответственными. Еще бы: катание верхом – занятие не шуточное – одно из важнейших и древнейших достижений человека.

...По дороге назад в автобусе Сашка уснула. А когда проснулась, дом был полон народу: тут были и папа с мамой, и бабушка, и дядя с тетей. И все они стали дарить ей подарки. Очень нужные и полезные. А именно.

Пестрый металлофон («бум-бум»), на котором можно было бы, наверное, сыграть какую-нибудь песенку, если бы уметь. Но, даже если не уметь, можно замечательно тоненько-тоненько

звякать, ударяя по железным полоскам деревянной колотушкой: «Бум, бум, бум...».

Блестящую надувную бабочку («ба») на рукоятке.

Большеглазую куклу («кука») с рыжими косичками, которая умеет петь, если ей стукнуть по животу, и которой можно приплясывать об пол.

Разноцветные шарики («мя», потому что, по сути, они – мячики). Шарики были надуты гелием, отчего, если отпустить веревочку, они падали не на пол, а на потолок.

Какую-то странную деревянную штуковину на колесиках («га», потому что с глазками и похожа на гусеницу), которую можно катать, держа за палочку («па»), и ее рожки при этом весело подрагивают.

- Вот, Саша, запомни, - сказала мама. - Когда всего так много и все такое интересное, это называется «День рождения». А теперь давай-ка собираться на природу.

За городом

- Ж-ж-жили мы себе, не туж-ж-жили, как вдруг являются какие-то, понимаешь, граж-ж-ждане и давай тут всё ж-ж-жечь! – возмущенно поглядывая на дым костра, пожаловался большой черный жук знакомому комару.

- З-запах з-зато - з-замечательный! – возразил тот, висая поблизости и мелко подрагивая крыльшками.

- Ж-женым ж-же воняет! - не поверил хитиновым ушам жук.

- Я про приезд-зжих, - кровожадно потер лапками комар. – З-знатно, соблаз-знительно пахнут. Раз-звездаю... - сказав это, он, не медля, полетел к людям.

- Уж-жас, – угрюмо промолвил жук, провожая его взглядом. - Ну и друж-жок у меня. Ж-жуть. Как ж-жить?... – заключил он и закопался в землю.

Рядышком, почти из того же места, вылез розовато-серый дождевой червяк, потянулся на солнышке и сказал собственному хвосту:

- Не знаю... Лично мне всё нравится.

- Мне тоже, - согласился хвост.

Действительно, ничего такого уж страшного и необычного тут не происходило. Регулярно с конца весны и до начала осени в этом загородном саду-огороде устраиваются семейные пикники с шашлыками. Но еще в прошлом году ни этого жука, ни этого комара на свете не было, потому они и не знали о такой традиции.

Комар подлетел к компании и принялся.

Вкуснее всех, само собой, пахла Сашка. Но она же была и зорче всех.

- Ма! – сказала она веско, указывая на него вытянутым вперед пальцем. Она уже видела комаров и называла их именно так. Однажды один такой даже укусил ее, и с тех пор она относилась к этим типам настороженно. Идея того, что кто-то может ее ням-ням, была для Букашки неприемлема.

Все посмотрели в указанном направлении и принялись шлепать ладонями. Глядя на взрослых, радостно хлопать в ладоши стала и Сашка. Комар оторопело раскланялся.

- Я, конечно, з-замечательный, благообразный и грациоз-зный, - забормотал он, - и все же я не раз-зумею, чем обяз-зан...

Но люди его не слушали.

- Ах, негодяй! – воскликнула мама, и комар еле успел проскользнуть между ее ладоней. – Так и вьётся вокруг ребенка!

- Не трожь, вампир! – вторил ей папа.

- Вот мясо для еды, его и кусай, не жалко, - гостеприимно предложила тетя, нанизывая на шампур маринованные кусочки.

«Вот, значит, вы как...» - мрачно подумал комар, увертываясь в очередной раз. Возмущению

его не было границ. Сперва он хотел объяснить людям, как несправедливо и нечестно они с ним поступают, но потом плюнул и полетел прочь, тихонько зудя себе под хоботок:

- Сраз-зу бы сказ-зали. Нельз-зя так нельз-зя. Но з-зачем тогда приез-зжать? Драз-зниться только...

Не понравились комару такие гости. Чувство это было взаимным.

Кроме комара, Сашке понравилось все. И цветы, и самодельный противосолнечный тент, похожий на купол цирка-шапито. И червяк, которого папа на палочке поднял с земли и представил ей: «Саша, это червяк». И костер с дымом (она первый раз в жизни видела огонь). А вне всякой конкуренции был ручеек. В нем, так же как в фонтане, бурлила вода, которую тоже можно было трогать, и еще туда можно было кидать камешки. А когда прямо из-под ног Букашки на другой берег ручья выпрыгнула маленькая лягушка («ква»), девочка и вовсе испытала шок и долго еще после этого повторяла: «Пык!.. Пык!..» (В смысле: «прыг, прыг...»)

Пока папа жарил шашлыки, остальные немного повозились на клумбах и грядках. Букашка со

своей синей пластмассовой лопаткой конечно же в стороне не осталась. Раньше, копаясь в песочнице, она и не предполагала, что и взрослые так любят это занятие...

Когда шашлык был готов, все уселись за стол и стали говорить тосты. Главным и самым актуальным после недавних больничных событий был: «За здоровье именинницы». Шашлыки получились очень вкусными. Правда, Сашке их есть пока нельзя, но и ее кашка тоже была хоть куда, так что она ни капельки не расстраивалась.

А еще через часок набежали тучи, стал накрапывать дождик, и все поспешили домой.

Все правильно

И снова она по дороге уснула, и ей приснилось, как будто бы к ней на День рождения, прямо домой, пришла лошадка. Покатала ее у себя на спине, потом подарила ей лягушку и ускакала.

Лягушка с Букашкой поздоровалась, тоже поздравила и подарила комара.

Подарила - «пык!» в окошко и исчезла в траве. Комар раскланялся, подарил Букашке разноцветные шарики и сказал: «Я больше никогда

не буду кусаться. Честное слово. Я даже шашлык кушать не буду, только кашку».

Очень Букашка обрадовалась, что комар оказался такой милый и вовсе не злой. И она заулыбалась во сне.

Тем временем зайцы, лежа на комод, тихонько переговаривались.

- Чего это ребенка весь день не было? – поинтересовался Сиреневый.

- Так ведь День рождения, - пояснил Салатный. – Целый годик Букахе стукнул.

- Не может быть! Не верю я, что мы уже год с ней знакомы.

- И правильно не веришь. Нас-то когда купили, ей уже полгода было.

- А-а, вот в чем дело... - протянул Сиреневый. А потом спросил ревниво: - А почему это ей нас сегодня на День рождения не подарили?!

- Что это с тобой? Нас ведь уже на Новый год подарили. Нельзя же одних и тех же зайцев на все праздники дарить.

- И что, из-за этого дурацкого правила ребенок остался без подарка?! – возмутился Сиреневый.

- Еще чего, - всплеснул лапками Салатный. - Подарков у нее – куча! Вон - и кукла, и бабочка, и качели, и шарики...

Как раз в этот-то момент Букашке снилось, что эти самые шарики ей дарит комар, и в свете ночника-глобуса ее лицо озарила безмятежная улыбка.

- Ох, избалуют они ее своими подарками, - противореча себе, изрек Сиреневый и хмуро глянул на нее с комода. – Вот вырастет и станет капризной и вредной.

- Дурак ты лопухий, - отозвался Салатный. - Из счастливых детей вырастают счастливые взрослые. А счастливые не бывают капризными и вредными.

- А какими они бывают?

- Покладистыми и полезными.

- А, - кивнул Сиреневый. – Прямо как я. Тогда ладно...

ВЛЮБЛЕННЫЙ КОТ

Жара стояла несусветная. Рыжий пушистый котик валялся на травке между двумя клумбами и лениво рассуждал: «И чего эти глупые игрушки носят со своей Букашкой? Девочка как девочка, самый что ни на есть обыкновенный человеческий детеныш...»

Он вытянулся и лениво перекатился с боку на бок.

«... Вот то ли дело – кошки, - подумал он. - Такие пушистые и ласковые кошки... Много кошек...».

Мечтательно зажмурившись, котик заурчал.

«...Еще болтают, что Букашка их – самая тут главная. Глупости какие. Самый главный тут я – это очевидно. И всё тут – для меня. Особенно кошки. Что такое девочка? Пахнет она, конечно, приятно, но у нее и шерсть-то растет только на голове, да и то... кое-как. Вот кошки... Пушистые и гладкие, простые и трехцветные, с полосками и без, дикие и нежные... Все они - мои! Мур-р...».

Котик сладко зевнул и приоткрыл глаз... Все было на месте. Это хорошо. Он понюхал торчащую рядом травинку, потрогал ее лапой и снова зажмурился.

«...Отрицать не буду, - продолжил он размышления. - Букашка - девочка миленькая. Но ведь, если бы она была кошкой, она была бы совсем-совсем малюсеньким котенком, а кому они нужны, котята, что с них толку? Ну а даже если бы она была взрослой, что толку с одной-единственной кошки? Нет, - ухмыльнулся котик, - кошек должно быть много, и все они должны быть счастливы оттого, что у них есть такой замечательный я...».

И он тихонько замурлыкал самоуверенную песенку:

*Знаю, верною иду
я, мур-мур, дорогой,
Мне грустить и хмурится
Нет, мур-мур, причин.*

*Кошки замечательны
тем, что их так много,
Я же замечателен
тем, что я один!*

Котишка снова потянулся, открыл глаза... И увидел ЕЁ. Кошку, удивительнее которой он еще не видел. Единственную и неповторимую кошку, о существовании которой никогда раньше даже не предполагал.

Она шла через заросли травы, грациозно покачивая пушистым хвостом, ее серо-голубая шерстка, казалось, светилась спокойным волшебным огнем и даже чуть-чуть искрилась изнутри.

Стайка воробьев, выклевывавших из травы зернышки тополиного пуха, не вспорхнула при виде ее, так как было ясно, что она слишком горда, чтобы за ними гоняться. И озорная такса, пристально посмотрев на нее, не стала лаять...

Котик потряс головой, проверяя, не мерещится ли ему все это. Травинки сомкнулись, скользнул

меж ними серый хвост, и кошка исчезла. «Ой, - подумал кот. – Ой! Сейчас она уйдет, и я больше никогда ее не увижу. И как я тогда вообще?...». Котик похолодел, предчувствуя, что это уже свершилось. Как ужаленный, вскочил он на лапки и кинулся вслед удивительному видению.

И, о радость! Кошка не пропала, она продолжала спокойно двигаться к своей неведомой цели. Поравнявшись с ней, наш котик хотел высказать ей весь тот восторг, который она вызвала в его душе. Хотел сказать ей, что она в один миг буквально перевернула все его представление о кошках... Но с чего начать?

Киска посмотрела на него долгим взглядом голубых сиамских глаз, как бы приглашая к разговору. Котик набрался храбрости и хриплым от волнения голосом стандартно начал:

- Э-э... Гражданочка...

«О! Какой позор!» - промелькнуло в его голове.

Кошка остановилась и мелодично, словно пропела, переспросила:

- Вы это мне?

- Тебе, тебе, – сказал котик и хохотнул для храбрости. - Кому же еще?

Он готов был провалиться сквозь землю.

- Простите, но я не разговариваю с незнакомыми котами, - сказала волшебная (как ему казалось) кошка, отвернулась и двинулась дальше.

- Но... - начал котик, однако не нашел слов и в отчаянии протянул лапку, пытаясь остановить ее прикосновением к серо-голубой шерсти...

- Пш-ш-ш!!! – зашипела кошка, резко обернувшись и выгнув спину.

Котик оцепенел от неожиданности, а кошка вновь нырнула в заросли и скрылась. И он уже не решился преследовать ее дальше. Что толку, если абсолютно ясно, что они – не пара, что по сравнению с ней он просто неотесанный рыжий чурбан и что всякая попытка заговорить с ней обречена на позорную неудачу и лишь усилит ее неприязнь?

- О-о-о! – только и сказал влюбленный зверь, рухнув в траву.

Двор вокруг потемнел, и как будто бы сразу наступил вечер. «И всегда теперь моя жизнь будет такой тусклой и унылой», - подумал кот, решив, что таинственная кошка унесла с собой весь свет и всю радость этого мира. Но тут в небе громыхнуло, и он понял, что это просто

туча закрыла солнце, так как начиналась гроза.

«И все равно, все равно это не простое совпадение - то, что гроза началась именно сейчас, когда я ее потерял...» - решил котик.

Упали первые капли, но он даже не заметил их, так неуютно и холодно было у него на душе.

2

«Что же делать? – переползали друг через друга в его голове неповоротливые и какие-то липкие мысли. – Попытаться найти ее? И что я скажу? Что я отвечу, если она вновь объявит, что не разговаривает с незнакомцами?.. И ведь она права. Сколько раз кошки отвечали мне, когда я заговаривал с ними. И что хорошего я дал хотя бы одной из них?..».

- Ох! – вскрикнул котик вслух, обнаружив, что в разгаре дождь, а сам он уже буквально лежит в луже, образовавшейся под ним. – Что это со мной?! - Он вскочил на ноги. - Хватит думать о неприятностях, которые еще только могут случиться! Надо действовать! «Что я скажу?.. Что я отвечу?..» - передразнил он самого себя. – Вот когда надо будет отвечать, тогда и думай!

Не медля более, он кинулся в том направлении, в котором исчезла кошка. И, как по маговению волшебной палочки, погода разъяснилась, солнышко выглянуло из дырки в туче, а дождик смущенно прекратил капать. И котик сказал на бегу:

- Так-то лучше! Несомненный знак того, что мое решение правильно.

*Знаю, верною иду
я, мур-мур, дорогой,*

- запел он, -

*Мне грустить и хмуриться,
нет, мур-мур, причин.
Очень замечательно,
то, что кошек много,
Но волшебная - одна,
как и я... один!*

- Чего разорался? – остановил его чей-то неприязненный голос. Котик огляделся и обнаружил, что находится в совершенно незнакомом ему дворе. А прямо напротив него, набычившись, стоит здоровенный черный

кот откровенно разбойничьего вида. – Чего тебе тут надо? – продолжал он угрожающе. Убирайся-ка отсюда! Это моя территория, и все кошки тут мои!

Было видно, что хозяин этого места готов к бою в любой миг. Это был явно опытный и сильный боец. «Ну и что?! – подумал наш котик. – Я тоже – не слабый и тоже не новичок...».

- Бьемся-деремся?! – то ли спросил, то ли утвердительно сказал черный, и в его плутовских зрачках блеснуло радостное предчувствие.

Котик хотел было уже кинуться на противника и выпустить в него из подушечек лап все двадцать острых, как кинжалы, коготков... Такое случилось не раз, и, как правило, он выходил победителем... Но внезапно он кое-что подумал и даже сказал это вслух:

- Я бы с удовольствием подрался с вами, уважаемый. Но, признаться, времени совсем нет. Да и сил жалко.

- Струсил?! – поразился черный.

- Вовсе нет, - сказал рыжий. – Просто не вижу смысла драться с вами из-за кошек, которые меня не интересуют. Мне-то нужна всего одна. Она, знаете ли, такая серенькая и как будто бы светится изнутри волшебным светом. А глаза у

нее – голубые... Если за нее, то я драться готов, но только за нее. Не встречалась ли вам такая?

- Дурак какой-то, - пробормотал черный, сел на землю и озадаченно почесал за ухом задней ногой. С таким странным поведением кота он сталкивался в первый раз. Впрочем, все однажды случается впервые. В то, что рыжий не хитрит, а говорит, что думает, он почему-то поверил сразу. - Среди моих такой точно нет, - сказал он, наконец. – Но, по-моему, что-то такое мне встречалось вон там, - махнул он хвостом на запад. – Только она была белая с черными пятнышками, и глаза у нее, вроде, желтые... Я хотел с ней поговорить, а она мне: «С незнакомыми котами не разговариваю...». Дура какая-то...

- Это моя! – воскликнул наш котик уверенно и бросился в указанном направлении.

... Но нет. Кошка была очень милая, но не та. Зато она подсказала ему, где, как ей кажется, живет его «волшебная»: как-то они встречались и очень друг другу приглянулись, правда, та была вроде бы черная...

... Ситуация повторялась из квартала в квартал, из двора в дворик, из города в город, из страны

в страну... День шел за днем, но котик не унывал. Он чувствовал: рано или поздно он найдет свою возлюбленную.

... Парижские кошки ему понравились. Понравились и коты, которые, в отличие от наших, не находили в его поисках дамы сердца ничего странного. За кошкой, на которую они ему указали, пришлось лезть почти на самый верх большой железной башни. Глаза у кошки и впрямь были голубыми, и хвост был пушистым, но сама она была откровенная сиамка, да к тому же еще толстая-претолстая... Что немудрено: ведь жила она при ресторане, расположенном прямо на верхотуре.

- О-ля-ля, - сказала она, разглядывая нашего котика прозрачными бусинками глаз. - Когда-то, лет этак десять назад, я была как раз такой, как ты описываешь. Приятно, что там, внизу, меня до сих пор помнят... Но могла ли я оставаться стройной и романтичной, дважды в год рожая по несколько котят? Знаешь, сколько их спустилось с этой башни на Марсово Поле и гуляет теперь по Земляничным Полям и Монмартру? Штук сто, не меньше! И все такие хорошенькие!

...Пахнущие рыбой ливерпульские портовые коты только пожимали плечами, пока один не сказал:

- Садись-ка ты, парень, на корабль и плыви в Америку. Там-то всякая невидаль водится. А у нас таких чудес, как ты описываешь, сроду не бывало.

...Один ободранный тexasский котяра, налившись валерьянки, сказал ему:

- Мне бабушка рассказывала, что на Аляске водятся морские котики. Они благородные: мышей по подвалам не ловят, крыс не душат, плавают себе в просторах океана. Романтика! Твоя-то, видать, из них. Она плавает?

Кот не знал, что и ответить... Может, и плавает. Да, наверное, плавает, решил он.

...Морские котики оказались очень милыми и добрыми созданиями, но больше похожими не на кошек, а на кожаные мешки... Убедившись в этом, кот двинулся обратно, но заблудился, и через пару дней совершенно обессилел от голода и холода... Он уже еле полз по снежной пустыне, когда внезапно раздался рокот двигателя, а еще через несколько минут чьи то руки ухватили его поперек живота.

- Полезай-ка в снегоход, рыжий, - услышал он хриплый мужской голос. - Нет, Аляска, она все-таки наша... У котов тут, во всяком случае, точно русский характер...

Уже на следующий день наш котик, поправившийся, но похудевший и грустный, плыл со своим спасителем-моряком на каботажном судне через Берингов пролив. За стеклом иллюминатора свирепствовали волны, а котик тихонько напевал:

*- Мне казалось, верной шел
я, мур-мур, дорогой,
Но на свете тысячи
есть, мур-мур, дорог.*

*Кошек, убедился я,
в мире очень много,
Но своей единственной
я найти не смог...*

Если вы думаете, что он отступился от своей мечты, то вы ошибаетесь. Просто, раз уж так вышло, он решил немного передохнуть дома. А вообще-то он теперь знал, что на свете есть еще Африка, Азия, и, на худой конец, Австралия. Хотя, рассказывают, кошки там сумчатые. Но сумка в хозяйстве не помешает.

З

Говорят, коты и кошки всегда безошибочно определяют дорогу домой, куда бы не занесла их судьба. Так оно и есть. До родного города котик добрался довольно быстро. Стояло лето – то ли все еще, то ли снова: и за время странствий он напрочь потерял счет времени... Котик был уже в квартале от нашего двора, когда услышал собачий лай вперемешку с тоненьким разноголосым писком.

Он припал к земле. Осторожно подполз к зарослям лопуха на газоне и увидел там пятерых перепуганных котят и здоровенного пегого беспородного пса, злобно лающего на них. Котята были совсем маленькими и беззащитными, собак же наш котик не любил всегда, а этот пес был ему как-то особенно неприятен.

- Мя-ау! – вскричал кот, выступив из травы. Его самого недавно спасли от гибели, и сейчас он не мог оставаться безразличным. Он встал между собакой и котятами и грозно выгнул спину: - А ну, пш-шла вон отсюда, глупая собака! Пш-ш! Пш-ш!!!

Пес озадаченно посмотрел на кота и смолк.

Потом сказал:

- Ну и ладно... Нужны вы мне... - поджал хвост и в поисках других развлечений как ни в чем не бывало побежал прочь.

Котик расслабился и с облегчением вздохнул. На самом деле ему было очень страшно: ведь впервые не на него напала собака, как много раз бывало раньше, а он напал на собаку. И впервые не он убегал от собаки, а она от него...

- Уф-ф... - сказал он и обернулся. Пять пар восхищенных глаз, не отрываясь, следили за ним.

- Какой ты большой и смелый! - пискнул один котенок.

- Смелый и добрый, - сказал другой.

- Когда я вырасту, я буду таким же, - сказал третий.

- И я! И я! - воскликнули четвертый и пятый.

Котик смутился. Никогда раньше ему не было так приятно от чьих-то слов, и ведь это не лесть, котята такие малюсенькие, что врать еще явно не умеют. Он хотел сказать, что опасность миновала, и уйти, но тут же подумал,

что нельзя бросать их одних: мало ли на улице еще собак и других опасностей. Он хотел спросить, где их мама, но было ясно, что они этого не знают... Но ведь он спешит... Куда? Он давно не был дома... Но там его никто не ждет...

Так он и стоял в замешательстве, когда из кустов вынырнула кошка, и котята, кинувшись к ней, загомонили:

- Мама, мама! Он нас спас! Он прогнал собаку! Он хороший!..

Котик же тем временем остолбенел окончательно, ведь перед ним была та самая его волшебная серая кошечка...

- Спасибо тебе, - сказала она, посмотрев на него своими удивительными голубыми глазами. - Вот не знала, что на свете бывают такие благородные коты... Так страшно всегда оставлять детей одних, но я должна добывать пищу...

- Можно... Можно, я буду приходить играть с ними и следить, чтобы не случилось ничего плохого? - выдавил из себя котик.

- Конечно, - отозвалась волшебная кошка. - Я буду очень тебе благодарна. Ты мне еще тогда понравился.

- Когда? – пролепетал кот.

- Когда я проходила через твой двор, а ты хотел со мной познакомиться. Очень уж ты был нахальный, и я решила проучить тебя... Но вообще-то я думала, ты меня догонишь...

- А еще я тоже могу добывать еду... - сказал котик, не зная, что ответить.

Спустя несколько дней, направляясь по каким-то своим загадочным делам, над соседним двором пролетал старый ворон. И вдруг он увидел в траве под деревом пятнышко знакомого рыжего цвета. Он пригляделся, опустился ниже...

Так и есть! Пропавший кот! Валяется на травке в чужом дворе, а рядом, уткнувшись носами ему в живот, спят четверо котят. А еще один, полосатый и неугомонный, носится вокруг, иногда забираясь прямо на кота и скатываясь с него, словно с горки.

- Вот те р-раз! – воскликнул ворон, приставившись на ветке над ними.

- А, птица! – узнал котик. – Привет.

Полосатый котенок, увидев ворона, тут же полез по стволу к нему.

- Пр-ривет, пр-ривет! – настороженно глянув на малыша, продолжил разговор ворон. - А я-то думаю, куда ты запр-ропостился?! По-говаривали, ты отпр-равился искать какую-то волшебную кошку...

- Да, я путешествовал, - отозвался котик. – А теперь вот живу здесь. И она тоже.

Полосатый котенок, не удержавшись, сорвался с дерева. Молниеносным движением, не дав малышу удариться о землю, котик поймал его, облизал и опустил рядом с остальными. Присмиривший котенок тут же уткнулся носом ему в живот и тоже закрыл глаза.

- Я тебя просто не узнаю! – воскликнул ворон.

- Да я и сам себя не узнаю, - признался кот. - Видишь ли, птица, пока я путешествовал, слушал людей, беседовал с котами, мои взгляды сильно изменились.

- Кар-р?!.. То есть, я хотел сказать, как?! Как они изменились?

- Например, я пришел к выводу, что я – отнюдь не самый главный в этом мире.

- А кто главный? – нахохлился ворон. - Эта твоя? Волшебная?

- И даже не она, – кот задумчиво улыбнулся. – На самом деле главные – вот эти маленькие букашки, - кивнул он на спящих котят.

- Они?! – выпучил глаза ворон. – Да ведь от них ничего не зависит! Они никем не командуют, ничем не распоряжаются, ничем-ничем не владеют!

- Ты говоришь точь-в-точь, как один молодой гамбургский докер. Часто за бутылкой шнапса он спорил со своим знакомым, студентом, но тот возражал: «Командующие, распорядители, владельцы - всё это роли, маски. Мы выдумали их сами. Мы такие, потому что хотим быть такими или потому, что кто-то другой хочет, чтобы мы были такими...». Только сейчас я понял, что он имел в виду. Мы - такие, какими нас сделал мир. А вот они... - котик снова показал на малышей, - они - настоящие.

- А мы, значит, ненастоящие?! – саркастически воскликнул ворон. – Не знаю, как ты, кот, а лично я – настоящий!

- Тс-с, не кричи, - сказал котик и примирительно улыбнулся: - Хорошо, если мы настоящие, то они – будущие, а это важнее.

- Абсур-рд! Кар-р! Кар-р! – вскричал ворон и, оставив ветку, полетел в свой двор обдумывать все увиденное и услышанное. Чтобы уж там повозмущаться им в досталь.

А котик положил голову на лапы и в ожидании своей волшебной кошки тихонько, чтобы не разбудить котят, замурлыкал самому себе: «Знаю, верною иду я, мур-мур, дорогой, мне грустить и хмуриться нет, мур-мур, причин...»

Только песенку свою он опять переделал. Сейчас в ней говорилось о том, как это замечательно, что теперь он не один.

СОДЕРЖАНИЕ

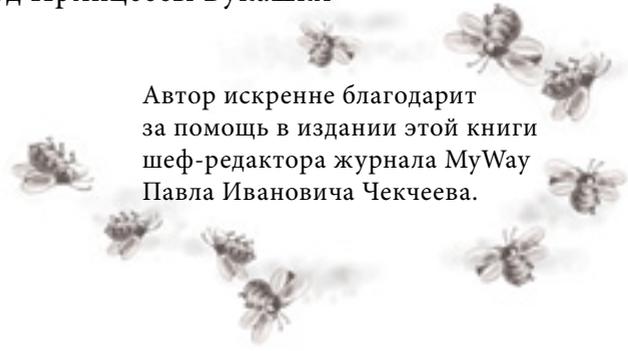
Подарок	3
Исцеление отважного Крота	22
Короли, жуки, грызлявки	40
Пылесосовы грезы	60
История пятая, выздоровительная ...	74
Просто солнечный день	104
Влюбленный кот	116

© Ю.С. Буркин, текст, 2012

www.burkin.rusf.ru

© Л.Л. Одинцова, иллюстрации 2012

Год Принцессы Букашки

Автор искренне благодарит
за помощь в издании этой книги
шеф-редактора журнала MyWay
Павла Ивановича Чекчеева.

ГОД ПРИНЦЕССЫ БУКАШКИ

Юлий Буркин

MyWay